Z 104/412

Z 104/412

Голицыну отъ автора.

Всесоюзная библ-ка имени В. И. Ленина
53609-44

Дополнительныя данныя къ исторіи Уложенія 1649 г.

Когда нѣсколько товарищей моихъ по Институту согласились трудиться сообща надъ Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича, то я изъявилъ желаніе заняться судною частью (гл. X—XV). Главною цѣлью нашихъ изысканій было разъясненіе внѣшней исторіи памятника, такъ мало подвинувшейся впередъ сравнительно съ изученіемъ лежащихъ въ его основѣ внутреннихъ началъ права. Въ начертанной нами программѣ первымъ стоялъ, какъ и естественно, вопросъ о причинахъ, вызвавшихъ потребность въ Уложеніи, и о порядкѣ его изданія (см. Сборникъ Археологическаго Института, кн. 2, отчетъ о поѣздкѣ въ Москву). Рѣшеніе этого вопроса принялъ было на себя одинъ изъ моихъ товарищей; но за выходомъ его изъ Института, остальные сотрудники положили: не приступая къ полному и всестороннему разсмотрѣнію вопроса, предоставить каждому заняться имъ предварительно, насколько того потребуетъ избранная имъ часть.

Принимаясь за исполненіе своей задачи, я особенно задумался надъ тѣмъ мѣстомъ вступительнаго къ Уложенію указа, въ которомъ выражено желаніе царя, *„чтобы Московскаго Государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа во всякихъ дѣлѣхъ была всѣмъ равна“*. Откуда такая широта взгляда, несогласная съ духомъ того времени? Если не ошибаюсь, никто, кромѣ Строева, не останавливался на этомъ вопросѣ, заслуживающемъ полнаго вниманія. Строевъ же, по видимому, догадывался о дѣйствительной причинѣ непонятнаго явленія; но тогдашнее ли положеніе печати, состояніе ли исторической науки въ его время, или что другое заста-

вило его облечь свою мысль въ покровъ рѣзкаго противорѣчія, которое прямо бьетъ въ глаза. Съ одной стороны, онъ низводитъ понятіе равносудія до простой правдивости и нелицепріятности, а съ другой объявляетъ его чѣмъ-то недоступнымъ для массы, какимъ-то незаконнымъ порожденіемъ временъ самозванщины, зародышемъ „*гражданскаго равенства*“, до котораго французы додумались только въ концѣ прошлаго столѣтія (Историко-юридическое изслѣдованіе объ Уложеніи стр. 35—40). Безспорно, первое ограничительное толкованіе Строева единственное, которое можетъ быть согласовано съ духомъ уложеннаго суда; но за то оно не соотвѣтствуетъ прямому смыслу словъ, выражающему Господню заповѣдь о полномъ и дѣйствительномъ равенствѣ суда для всѣхъ безъ исключенія. Такое несогласіе между цѣлью законодателя и изданными имъ законами побудило меня вникнуть въ обстоятельства, при которыхъ вышелъ указъ 16 іюля 1648 года.

Начавъ съ послѣдняго и самаго рѣшительнаго толчка, давшаго движеніе дѣлу составленія Уложенія, я потомъ постепенно восходилъ къ болѣе общимъ и отдаленнымъ причинамъ явленія. При этомъ я выдвинулъ на первый планъ тѣ именно причины, которыя ясно сознавались современниками, хотя бы онѣ въ дѣйствительности были менѣе важны, чѣмъ тѣ, которыхъ они не знали или по крайней мѣрѣ, неясно ихъ понимали. Мнѣ казалось, что голосъ современниковъ, какъ бы онъ подчасъ ошибоченъ ни былъ, долженъ быть выслушанъ прежде разсужденій и домысловъ потомства.

Уже въ прошломъ году, когда я ознакомился только съ подлиннымъ Уложеннымъ столпомъ, я пришелъ къ убѣжденію, что составленіе Уложенія, считая и его слушаніе на соборѣ, заняло $6^1/_2$ мѣсяцевъ, а не $2^1/_2$, какъ прежде принималось. Тѣмъ не менѣе я тогда же выставилъ одно недоумѣніе, которое меня смущало (см. Сборникъ Археологическаго Института, кн. 2, стр. 11, примѣч. 6). Это побудило меня внимательно пересмотрѣть наличныя свѣдѣнія касательно обсужденія и утвержденія различныхъ частей Уложенія. Въ результатѣ получилось, насколько я въ состояніи судить, не только подтвержденіе прежняго вывода и устраненіе возникшаго недоумѣнія, но сверхъ того выяснился еще порядокъ вступленія памятника въ силу закона.

Тѣ же данныя, съ присовокупленіемъ списка рукоприкладствъ, навели меня на нѣсколько мыслей касательно значенія земскаго собора—вопроса, вообще еще мало выясненнаго. Я далеко не исчерпалъ его даже въ томъ объемѣ, къ которому даютъ поводъ обнародованные матеріалы потому собственно, что впечатлѣніе, вынесенное мною изъ чтенія актовъ, нуждается въ обстоятельной повѣркѣ, которая завлекла бы меня далеко.

Занятія въ Московскихъ архивахъ, доставивъ мнѣ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія, характеризующія состояніе права въ первой половинѣ XVII в., дополнили также прежнія мои сообщенія о печатаніи Уложенія и распространеніи его въ обществѣ.

Таково происхожденіе настоящей статьи. Она не болѣе, какъ частный отвѣтъ на общій вопросъ, и въ нѣкоторомъ родѣ можетъ служить введеніемъ къ суднымъ главамъ Уложенія.

Исторія Уложенія въ томъ видѣ, какъ она излагалась до сихъ поръ, сильно смахивала на сказку. Многотрудное дѣло общаго пересмотра и *улучшенія* законодательства, — дѣло, которое не далось въ руки ни могучему Петру, ни мудрой Екатеринѣ, ни человѣколюбивому Александру I,—затѣвается двадцатилѣтнимъ юношей, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и совершается, точно по щучьему велѣнію, въ какіе-нибудь два съ половиною мѣсяца! Какъ блестящій метеоръ проносится надъ русскою землею это невиданное явленіе, исчезаетъ и лишь около двухъ столѣтій спустя снова показывается на родномъ небосклонѣ. Ни безпочвенный домыселъ о заранѣе подготовленныхъ матеріалахъ, ни положительное преувеличеніе консервативнаго духа Уложенія не способны смягчить той несообразности, что слушаніе новаго памятника заняло въ $2^1/_5$ раза болѣе времени, чѣмъ его начертаніе (1).

Чтобы хотя нѣсколько разсѣять туманъ, окружающій появленіе на свѣтъ Уложенія, надо вникнуть въ обстоятельства, которыми оно было вызвано.

---

(1) Слушаніе Уложенія, какъ увидимъ, началось 3-го октября 1648-го и кончилось 28-го января 1649-го года; указъ же о составленіи Уложенія вышелъ 16-го іюля 1648-го г.

И такъ, что̀ послужило поводомъ къ изданію Уложенія? Достопамятный указъ 16-го іюля 1648 года обходитъ этотъ деликатный вопросъ неясными намеками, брошенными вскользь, при случаѣ; начинается же онъ прямо съ того, какъ государь разсуждалъ съ патріархомъ, освященнымъ соборомъ и съ боярами объ исправленіи и дополненій судебниковъ. Выходитъ, какъ будто *„великое государево и земское дѣло“* задумано царемъ въ обычномъ порядкѣ теченія дѣлъ. Но вотъ другое, также правительственное, извѣстіе рядомъ съ царскимъ совѣтомъ ставитъ *челобитье* разныхъ чиновъ людей: мы разумѣемъ здѣсь память губному старостѣ Обонежской пятины Нагорной половины отъ 28 іюля 1648 г. съ требованіемъ о присылкѣ депутата на земскій соборъ къ 1-му сентября (Акты Арх. Эксп. IV, № 27). Обстоятельство очень важное, ибо оно свидѣтельствуетъ, что починъ шелъ снизу. Но почему же умалчиваетъ о немъ вышеупомянутый указъ? Или челобитье всякихъ чиновъ людей было новостью въ общественной и государственной жизни Московскаго государства? Первое, что приходитъ на умъ, это — то, что либо челобитья вовсе не было, либо за нимъ скрывается нѣчто такое, о чемъ правительству непріятно говорить. Чтобы провѣрить правильность этого вывода, стоитъ только прислушаться къ голосу современниковъ и особенно тѣхъ, которые принимали въ Уложеніи бо̀льшее или меньшее участіе. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія Уложенія, патріархъ Никонъ, скрѣпившій его своею подписью въ званіи архимандрита, писалъ: *„и то всѣмъ вѣдомо, что зборъ былъ не по волѣ, боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради“*. Слова эти писаны были московскимъ іерархомъ въ такія минуты его жизни, которыя отнюдь не располагали къ спокойному и безпристрастному повѣствованію, и потому свидѣтельство его съ перваго раза не внушаетъ къ себѣ полнаго довѣрія. Къ счастью, до насъ дошли и другія свѣдѣнія, достовѣрность которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Мы воспользуемся ими, чтобы представить краткій очеркъ событій, происходившихъ въ Москвѣ и другихъ городахъ предъ самымъ изданіемъ Уложенія.

Въ началѣ 1648 года царь женился на Маріи Ильичнѣ Мило-

славской. Тесть царскій и его родственники захватили въ свои руки доходныя должности; но особенною алчностью отличались начальникъ Пушкарскаго Приказа Петръ Траханіотовъ и Леонтій Плещеевъ — *большой судья* Земскаго. Плещеевъ окружилъ себя такими лицами, которыя избрали своимъ ремесломъ составленіе ложныхъ доносовъ на честныхъ и зажиточныхъ людей. Несчастныхъ бросали въ тюрьму, мучили и терзали, а потомъ слуги Плещеева вступали съ ними въ переговоры о выкупѣ. Оскорбленные и униженные взывали къ правосудію, но бояре, разсматривавшіе жалобы, всегда представляли царю дѣла въ такомъ свѣтѣ, какъ будто жалобы не заслуживаютъ никакого вниманія. Число жертвъ все увеличивалось, а съ нимъ возрастало и негодованіе противъ безбожныхъ гонителей. Потерявъ всякую надежду на боярское правосудіе, обиженные рѣшились искать случая, чтобы словесно жаловаться царю. Такой случай представился, по свидѣтельству туземныхъ источниковъ (Дворцовые Разряды т. III, столб. 93), двадцать пятаго мая, по словамъ же Олеарія (О состояніи Россіи въ XVII в., стр. 8—10 въ „Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній“ 1859 г., кн. 5, Спб. 1860 г.) 6 іюля (1). Былъ царскій выходъ въ Срѣтенскій монастырь. Пока царь оставался въ монастырѣ, масса народа толпилась на улицахъ и на площадяхъ. На возвратномъ пути въ Кремль, на большомъ рынкѣ толпа окружила государя и умоляла его отставить Плещеева. Царь обѣщалъ разобрать дѣло и благополучно поѣхалъ впередъ. Между тѣмъ приверженцы Плещеева начали бранить народъ, пустили въ ходъ нагайки и многихъ сбили съ ногъ лошадьми. Толпа пришла въ ярость: камни посыпались на обидчиковъ. Съ трудомъ добрались они до дворца, гдѣ и укрылись отъ преслѣдователей. Но народъ не расходился, шумѣлъ и требовалъ выдачи Плещеева. Бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ показался на крыльцѣ и именемъ царя просилъ народъ успокоиться; но вмѣсто отвѣта раздались крики, что съ нимъ расправятся такъ же, какъ и съ Плещеевымъ. Онъ удалился во внут-

(1) Впрочемъ, различныя отечественныя извѣстія также не сходятся въ показаніи времени событія. Слич. Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. IV, стр. 340, съ Доп. къ Акт. Ист. III, № 66, стр. 242 и 243.

ренніе покои дворца, толпа же бросилась къ его дому, разграбила всѣ драгоцѣнности, но жены его не трогали, какъ царской свояченицы. Покончивъ съ домомъ Морозова, мятежники приступили къ домамъ другихъ знатныхъ и богатыхъ людей. Въ числѣ этихъ потерпѣвшихъ былъ и бояринъ кн. Никита Ивановичъ Одоевскій (1), будущій главный редакторъ Уложенія. На слѣдующій день волненіе возобновилось. Бунтовщики настаивали, чтобы имъ выданы были Морозовъ, Траханіотовъ и Плещеевъ. Царь выслалъ народнаго любимца, боярина Никиту Ивановича Романова. Съ непокрытою головою вышелъ онъ къ народу и объявилъ, что царь учинитъ свой милостивый указъ. Толпа била челомъ на царской милости, но настаивала на своемъ. Никита Ивановичъ обѣщалъ доложить обо всемъ царю, но въ то же время заявилъ, что Морозовъ и Траханіотовъ неизвѣстно куда скрылись, и засимъ возвратился во дворецъ. Царь соизволилъ на казнь Плещеева. Вскорѣ палачъ повелъ осужденнаго на казнь, но бунтовщики не дали палачу исполнить своей печальной обязанности и сами умертвили Плещеева, прочитавъ ему предварительно приговоръ. Толпа дала полную волю чувству мести, надругалась надъ трупомъ и приговаривала: „такъ слѣдуетъ угощать такихъ воровъ и мошенниковъ! Боже продли вѣку Батюшкѣ Царю!“ Траханіотова поймали близъ Троицкой Лавры, привезли въ Москву и казнили; Морозовъ же ночью тайкомъ былъ препровожденъ въ Кириллo-Бѣлозерскій монастырь, гдѣ онъ прожилъ до начала сентября, когда волненіе уже улеглось (Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній 1859 г. кн. 5, Спб. 1860, „О состояніи Россіи въ XVII в.“, стр. 11—15. Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича, изд. Бартеневымъ, стр. 246; см. также Исторію Россіи С. М. Соловьева, т. X, стр. 153—156). Въ самый день казни Траханіотова, послѣ полудня, вспыхнулъ пожаръ, истребившій значительную часть города и всѣ посады. Все лѣто 1648 г. прошло въ смутахъ, возникавшихъ въ разныхъ концахъ Россіи. Видя такую шатость въ народѣ, правитель-

(1) По свидѣтельству лѣтописи (П. С. Л. IV, 340), домъ его находился въ Китаѣ-городѣ, точнѣйшее же указаніе на мѣсто его нахожденія заключается въ письмахъ царя Алексѣя Михайловича. См. собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича, изданное Бартеневымъ, въ концѣ 2-го письма къ Одоевскому.

ство, по старому обычаю, обратилось къ испытанному средству — духовному оружію. По всѣмъ городамъ разосланы были отъ патріарха богомольныя грамоты, въ которыхъ предписывалось служить молебны о прекращеніи междоусобицы и розни и о ниспосланіи царю побѣды надъ супостатами. Вотъ что писалось въ этихъ грамотахъ: „въ нынѣшнемъ во 156 (г.) іюня во 2 день учинилась на Москвѣ и по городамъ межуусобная брань и *донынѣ* (т. е. до первыхъ чиселъ августа) по городамъ *мятежь и хлѣбной недородъ и скотинной падежъ*“ (Акты Археограф. Эксп. IV, № 30).

Вотъ та печальная обстановка, при которой вышелъ указъ 16-го іюля 1648 года. Она одна можетъ объяснить намъ многое изъ того, что безъ нея остается непостижимымъ. Кто изъ насъ не приходилъ въ умиленіе отъ провозглашеннаго въ указѣ начала, „чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, *отъ большаго и до меньшаго чину*, судъ и расправа была во *всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ равна*“? Между тѣмъ, всякій долженъ признаться, что это начало не имѣетъ корней въ міровоззрѣніи людей XVII в.: съ мыслью о равенствѣ всѣхъ предъ лицомъ суда не могли помириться и такіе люди, какъ Никонъ, который прямо и открыто вооружается противъ этой самой фразы и противъ уравненія духовнаго и мірскаго чина (Записки отдѣленія Славянской и Русской Археологіи т. II, 1861 г., стр. 446). Уложеніе не осуществило этого равенства. Высокое христіанское начало явилось въ устахъ юноши-царя какъ откликъ на вопли народа и бѣдствія, обрушившіяся на Русскую землю. Разсказываютъ, что вскорѣ послѣ бунта, когда страсти немного улеглись, царь, воспользовавшись крестнымъ ходомъ, обратился къ народу съ такою рѣчью: „Очень я жалѣлъ, узнавши о безчинствахъ Плещеева и Траханіотова, сдѣланныхъ моимъ именемъ, но противъ моей воли; на ихъ мѣста теперь опредѣлены люди честные и пріятные народу, которые будутъ чинить расправу безъ посуловъ и всѣмъ *одинаково*“ (Исторія Соловьева т. X, стр. 155). Къ мысли о судебномъ равенствѣ благочестивый государь возвращается въ письмѣ къ казанскому воеводѣ, боярину Никитѣ Ивановичу Одоевскому, отъ 3 сентября 1652 г. Оно написано подъ живымъ впечатлѣніемъ чудесъ, сотворенныхъ мощами св. Филиппа, привезенными изъ Соловецкаго монастыря тогдашнимъ Новго-

родскимъ митрополитомъ Никономъ. Описавъ все, чему онъ былъ очевидцемъ и что передавали ему другіе, царь продолжаетъ: „А мы великій государь ежедневно просимъ у Создателя и всещедраго Бога нашего, и у пречистой Его Богоматери, и у всѣхъ Святыхъ, чтобы Господь Богъ, прошенія ради Матери своея пресвятыя Богородицы и всѣхъ Святыхъ ради молитвъ, даровалъ намъ великому государю и вамъ боярамъ съ нами единодушно люди его свѣтовы *разсудити въ правду всѣмъ равно*“ (А. А. Э. IV, № 329 стр. 492, столб. 2).

Вообще надо замѣтить, что указъ 16-го іюля составленъ съ рѣдкимъ по тому времени политическимъ тактомъ. Онъ вовсе не похожъ на откровенныя рѣчи, какія мы привыкли встрѣчать въ уставныхъ грамотахъ временъ Грознаго и его преемниковъ; онъ обилуетъ разными недомолвками и двусмысленными выраженіями. Вмѣсто того, чтобы сказать, что земскій соборъ созывается для прекращенія междоусобной брани и розни, онъ говоритъ, „чтобы великое государево и земское дѣло *утвердити и на мѣрѣ поставити*, чтобы всѣ тѣ великія дѣла... впредь *были нерушимы*“. Достойно замѣчанія, что пятьдесятъ лѣтъ спустя, когда въ учрежденной Петромъ *Палатѣ о Уложеніи* заготовленъ былъ проектъ манифеста для обнародованія „*Своднаго Уложенія*“, самыя выдающіяся мѣста указа 16-го іюля включены были въ него цѣликомъ (см. Матеріалы для исторіи русскаго Законодательства, выпускъ I, 1865 г., составл. Полѣновымъ).

Событія, совершившіяся въ Москвѣ предъ изданіемъ Уложенія, невольно вызываютъ на память такія же печальныя обстоятельства, при которыхъ Иванъ Васильевичъ Грозный, по его собственному выраженію, „*благословился исправить Судебникъ по старинѣ*“. Низкіе стяжательные инстинкты, не сдерживаемые разсудкомъ, взрывъ народнаго негодованія, гибельный пожаръ, умерщвленіе притѣснителей, земскій соборъ и въ заключеніе новые Судебники — вотъ наружные признаки сходства между событіями, вызвавшими на свѣтъ два важнѣйшихъ памятника Московскаго законодательства. Внутреннее сходство ихъ не менѣе замѣчательно. Весь государственный строй Московской Руси слагался независимо отъ жизни и судьбы не только частныхъ лицъ, но и цѣлыхъ общинъ до тѣхъ поръ, пока злоупотребленія высшихъ сословій и

служилыхъ людей не обращали вниманія высшаго правительства на потребности народа. Такъ было въ половинѣ XVI в.; тоже повторилось во время междуцарствія; тоже случилось и въ срединѣ XVII вѣка. Междоусобица и рознь—вотъ главная тема разговоровъ, происходившихъ на соборѣ 1648—1649 г. Исцѣлѣніе этого недуга составляло завѣтную цѣль народныхъ представителей, призванныхъ къ утвержденію государственнаго и общественнаго покоя (1). Теперь для насъ понятно и свидѣтельство Никона *о междоусобіи отъ черныхъ людей* и противоположное свидѣтельство правительственныхъ источниковъ о народныхъ *челобитьяхъ*. Оба эти явленія шли рядомъ, рука-объ-руку. Въ самомъ разгарѣ волненій люди различныхъ московскихъ черныхъ сотенъ ходатайствовали предъ правительствомъ объ освобожденіи ихъ отъ дачи людей для гостинной сотни (Доп. къ Акт. Ист. III, № 47; А. А. Э. IV. № 28); вѣроятно, къ тому же времени относится и челобитье московскихъ и иныхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ для сыска крестьянъ (см. ниже примѣч. 1).

Смуты и волненія свидѣтельствуютъ объ остромъ и опасномъ характерѣ болѣзни, но они же предвѣщаютъ близкій конецъ ея въ благопріятномъ или неблагопріятномъ смыслѣ. Въ какихъ же формахъ проявлялась она до того, какъ достигла остраго періода? Для нашей цѣли достаточно будетъ общаго бѣглаго взгляда. Начнемъ съ самыхъ видныхъ и яркихъ признаковъ.

Какъ предъ изданіемъ Судебника, такъ и предъ изданіемъ Уложенія отовсюду слышались жалобы на обиды и продажи областныхъ

---

(1) Выборные отъ московскихъ и городовыхъ дворянъ въ челобитной 30 окт. 1648 г. заявляютъ, что при прежнихъ государяхъ, при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ и сынѣ его Ѳедорѣ Ивановичѣ, «на Москвѣ и по городамъ, на посадѣхъ, закладчиковъ... и ничьихъ крестьянъ не бывало *и мятежу такова и межусобія не бывало жъ*» (А. А. Э. IV, № 32, стр. 44 и 45). Тоже подтвердили выборные отъ торговыхъ и посадскихъ людей. Они говорили, «что отъ заступныхъ людей въ торгѣхъ и въ промыслѣхъ и въ ихъ многихъ обидахъ *чинится смятеніе и межусобіе и ссоры болшіе*». Въ концѣ челобитной они пишутъ: «а велѣлъ бы великій государь на Москвѣ и около Москвы въ слободахъ и во всѣхъ городѣхъ на посадѣхъ и около посадовъ по слободамъ, всякимъ торговымъ и промышленнымъ людемъ быть за собою великимъ государемъ въ тяглѣ и въ слободахъ съ ними вмѣстѣ равно, чтобъ де никто въ избыли не былъ и чтобъ де... мятежъ и ссоры и межусобія отъ тое розни ни въ чемъ не было» (Тамъ же, стр. 46).

правителей и подчиненныхъ имъ органовъ. Притѣсненія достигали такихъ размѣровъ, что современники ставили ихъ на одну доску съ дневнымъ разбоемъ и татарскимъ нашествіемъ (Записки Отдѣленія Славянской и Русской Археологіи, т. II, стр. 426). Дьяки на государевыхъ службахъ туго набивали свои карманы, превращали неправдами нажитое богатство въ вотчины и хоромы *„неудобьсказаемыя“*, какихъ, по словамъ выборныхъ людей, прежде у велико-родныхъ людей не бывало. Какъ въ Судебникѣ, такъ и въ X главѣ Уложенія первое карательное слово обращено къ кривосудцамъ, лихоимцамъ, подставщикамъ. Время нарождало новыя злоупотребленія и вызывало потребность въ новыхъ предупредительныхъ и карательныхъ мѣрахъ. Изъ шести новыхъ статей, отмѣченныхъ на поляхъ подлиннаго Уложенія, четыре прямо направлены къ обузданію приказной распущенности, своеволія и взяточничества (ст. 137, 146, 147 и 149).

Помимо приказныхъ, слабые вообще терпѣли отъ сильныхъ. Представителями силы являлись, съ одной стороны, высшіе разряды служилаго сословія, съ другой — духовныя власти и монастыри. Тѣ и другіе владѣли большими земельными богатствами да сверхъ того надѣлены были разными судебными льготами, на основаніи жалованныхъ грамотъ. По свидѣтельству Коллинса, на церковныхъ земляхъ сидѣло до двухъ третей всего крестьянскаго населенія; остальное приходится на долю дворцоваго вѣдомства, вотчинниковъ и помѣщиковъ, и немногихъ черныхъ волостей (1). Владѣнія расширялись частью законными способами, частью захватами и противозаконными сдѣлками. Все это ложилось тяжкимъ бременемъ на городское и сельское населеніе. Крестьянство, прикрѣпленное къ землѣ, само стало какъ бы недвижимостью, а городское населеніе, сохранивъ личную свободу, терпѣло подрывъ въ своихъ угодьяхъ и промыслахъ отъ вторженія бѣломѣстцевъ. За одно съ тяглыми людьми доставалось и мелкому дворянству. Высшіе чины, владѣльцы обширныхъ вотчинъ и помѣстій, переманивали, а то и силою

(1) Профессоръ отецъ Горчаковъ считаетъ это отношеніе близкимъ къ дѣйствительности (см. Монастырскій Приказъ, стр. 21); напротивъ, проф. Иконниковъ — преувеличеннымъ (см. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи, стр. 136, прим. 3-е).

вывозили крестьянъ изъ-за дворянъ и дѣтей боярскихъ. Чтобы отбыть отъ урочныхъ лѣтъ, вывозные крестьяне препровождались въ дальнія имѣнія, гдѣ они и выживали указные сроки, а потомъ возвращались на прежнія мѣста и своимъ примѣромъ или подговоромъ привлекали новыхъ выходцевъ. Крестьяне охотно селились на земляхъ сильныхъ людей: житье здѣсь было вольготнѣе или, по крайней мѣрѣ, безопаснѣе отъ сторонникъ обидчиковъ. Въ буйныхъ сердцахъ не остыло еще дикое чувство мести: прогнѣвается боярин на бѣднаго сосѣда своего, и онъ открыто грозитъ ему убійствомъ или инымъ какимъ лихомъ, а потомъ гляди — онъ и исполнилъ его самъ или подослалъ своихъ крестьянъ и людей. Это—*пріѣздъ*. Наѣдетъ сильный человѣкъ на чужой дворъ или деревню, раззоритъ ихъ до тла, хозяина и семью обезчеститъ, перебьетъ и изувѣчитъ крестьянъ его и дворовыхъ. Судъ ему не страшенъ. Пошлетъ за нимъ воевода или губной староста пристава, онъ того на дворъ не пуститъ. Пока отпишутъ въ Москву, пока придетъ оттуда грамота, не мало утечетъ времени; а когда грамота придетъ и велѣно будетъ послать по ослушника пристава съ воинскою силою, его не скоро изловишь: то онъ укрывается въ другомъ своемъ имѣніи, то силою отбивается отъ отряда, — на то у него много крестьянъ и дворовыхъ,—и онъ опять гуляетъ на свободѣ. О мелкихъ обидахъ и убыткахъ, причиненныхъ боярином и его людьми, и говорить нечего. Въ Москвѣ существовалъ особый *приказъ, что на сильныхъ людей бьютъ челомъ;* но и онъ, вѣроятно, дѣйствовалъ не лучше другихъ. Не легко было тягаться и съ владыкою или съ монастыремъ: въ то время, какъ жалованныя грамоты высшимъ мірскимъ чинамъ составляли уже большую рѣдкость, духовныя особы и учрежденія пользовались ими еще въ огромныхъ размѣрахъ. Сами они подсудны были обыкновенно приказу Большаго Дворца, при которомъ состояло особое отдѣленіе по дѣламъ монастырскимъ (см. Монастырскій Приказъ священника М. Горчакова, стр. 40—48 и 58—61). На пашенныхъ же ихъ крестьянахъ дозволялось искать только въ опредѣленные исключительные сроки. Иногда такой срокъ назначался одинъ на весь годъ. Впрочемъ, и мелкое дворянство пользовалось нѣкоторыми льготами въ отношеніи судебныхъ взысканій: служилаго человѣка не выдадутъ головою за долги;

не поставятъ его и на правежъ: за него будутъ расплачиваться несчастные крестьяне, живущіе въ его вотчинѣ или помѣстьѣ.

Тяжко жилось народу при такихъ порядкахъ, но незавидна была и участь совѣстливаго и честнаго служителя правосудія. Жалованье царское, по свидѣтельству Крижанича, не соотвѣтствовало жизненнымъ потребностямъ приказнаго люда, да и то выдавалось не всѣмъ: губнымъ старостамъ оно не полагалось; не получали его и многіе подьячіе въ приказахъ. А между тѣмъ, каждому чину присвоена была своя одежда, свой мундиръ, болѣе или менѣе дорогой, смотря по должности: въ торжественныхъ случаяхъ подьячему надобно быть въ *цвѣтномъ* платьѣ, дьяку—въ *золотномъ*, а думному—въ *бѣлой* шубѣ. Именинные пироги да поминки, подносимые то членамъ царскаго семейства, то начальнымъ людямъ, требовали также издержекъ. Далѣе, каждый чиновникъ, вступая на службу, цѣловалъ крестъ на томъ, что ему во всемъ искать прибыли государевой казнѣ. Иной добросовѣстный воевода, видя тягость налоговъ и скудость тяглецовъ, донесетъ, что не въ моготу имъ тянуть во всѣ розрубы и розметы, а ему отвѣчаютъ изъ Москвы: „и то знатно, что ты то дѣлаешь норовя посадскимъ людямъ, ради своей бездѣльной корысти, и тебѣ-бы доправить все сполна всякими мѣрами неоплошно“. Чтобы заслужить предъ высшимъ правительствомъ, нужно было всякій годъ доставлять въ казну лишекъ противъ доходовъ прежнихъ лѣтъ. Воеводѣ предписывалось посадскихъ и уѣздныхъ тяглыхъ людей оберегать отъ всякихъ насильствъ, продажъ и убытковъ, но какъ ему было ихъ оберегать, когда дворяне и дѣти боярскіе, по словамъ одного воеводы, пріѣзжаютъ изъ Москвы и привозятъ изъ разныхъ приказовъ государевы грамоты на посадскихъ людей и волочатъ ихъ къ Москвѣ, и отвѣтчики вынуждены откупаться отъ такой напрасной волокиты чѣмъ возможно (см. ниже примѣч. 6). Не подъ силу ему и оборона слабыхъ людей отъ прямыхъ нападеній со стороны болѣе сильныхъ, частью по неопредѣленности наказовъ касательно подсудности помѣстнаго сословія, частью по недостаточности понудительныхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи воеводы. Для насъ теперь едва постижимо своеволіе и сопротивленіе, какое помѣщики оказывали мѣстному начальству. Вообще судейское званіе въ то время отнюдь не пользовалось тѣмъ почетомъ и уваженіемъ,

какимъ оно окружено въ наши дни. Неуваженіе къ суду и къ личности судьи выражалось подчасъ въ самой грубой формѣ, образчикомъ чего можетъ служить поведеніе Данилы Шенгурскаго (см. ниже примѣчаніе 2-е). Брань и ругань между тяжущимися составляли нерѣдкое явленіе не только въ низшихъ судахъ, но и въ Боярской Думѣ (Дворцовые Разряды I, столб. 384, г. 1618). При такомъ безсиліи судебной власти, нужно ли удивляться тому безправію, которое царило въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ (см. примѣч. 3)?

Кромѣ политико-экономическихъ и нравственныхъ условій времени, правосудіе въ Московскомъ государствѣ не могло процвѣтать и въ силу дѣйствовавшихъ порядковъ судопроизводства. Однимъ изъ существенныхъ его недостатковъ была памятная всѣмъ Московская волокита. Вредъ, происходящій отъ медленнаго теченія дѣлъ, ощущался, безъ сомнѣнія, какъ обществомъ, такъ и правительствомъ; между тѣмъ правительство, по разнымъ соображеніямъ, само вводило такіе порядки, при которыхъ скорое возстановленіе нарушеннаго права становилось немыслимымъ. Всѣ сколько нибудь цѣнныя дѣла (часто не выше десятирублевыхъ) тянули къ Москвѣ, къ приказамъ. При нашей весенней и осенней распутицѣ поѣздка въ Москву изъ отдаленной мѣстности сопряжена была съ большою тратою времени и денегъ. Служилому человѣку, которому часто доводилось бывать въ Москвѣ, столичный судъ былъ еще доступенъ; но мелкому торговому посадскому люду отлучка изъ-дому грозила разстройствомъ хозяйства, если не полнымъ раззореніемъ. Изъ Москвы нужно еще послать человѣка съ заазывною грамотою въ мѣсто жительства отвѣтчика. Хорошо, если тамошнія власти скоро дадутъ его на *„статную“* поруку и пришлютъ къ Москвѣ поручныя записи. Но вотъ наступилъ срокъ, а отвѣтчикъ не сталъ на судъ: что съ нимъ дѣлать? Въ XVI в. законъ довольно круто поступалъ съ такими ослушниками: судъ, не входя въ разборъ дѣла по существу, обвинялъ отвѣтчика неявкою (Судебн. ст. 42 и 75); но со второй четверти XVII в. правительство измѣнило свою политику: оно поняло всю односторонность и искусственность принятаго имъ начала; многіе лишались своихъ законныхъ правъ и имуществъ, благодаря одной своей безпечности, и такимъ образомъ правительство какъ бы играло въ руку завзятымъ безсовѣстнымъ сутяжникамъ. Отсюда установленіе трехкратныхъ

вызововъ по дѣламъ крѣпостнымъ и вотчиннымъ (Христоматія Владимірскаго-Буданова, вып. III, стр. 179). Иски съ воинскихъ чиновъ тянулись безконечно, вслѣдствіе тогдашнихъ частыхъ походовъ и соединенныхъ съ ними указныхъ отсрочекъ по всѣмъ дѣламъ, исключая самыхъ тяжкихъ уголовныхъ. Прежняя простота и краткость суда исчезала, по мѣрѣ того, какъ усиливалось письмоводство съ цѣлью удобнѣйшаго наблюденія и повѣрки дѣятельности судебныхъ мѣстъ и лицъ. Недовѣріе къ крестному цѣлованію и послушеству расширило примѣненіе сыска въ дѣлахъ гражданскихъ. Повальные обыски, *большіе*, производились на значительномъ пространствѣ; въ нихъ участвовали отъ 50 до 150 и болѣе человѣкъ. Показанія обыскныхъ людей отбирались людьми вовсе не принадлежавшими къ составу судебнаго присутствія, и давались на письмѣ. Сказки обыскныхъ людей, естественно, принимали большіе размѣры, и чтобы разобраться въ нихъ, нужно было потомъ въ судѣ *выписывать ихъ на перечень*, т. е. составлять изъ нихъ краткіе своды, соединяя тождественныя или сходныя показанія. Все это отнимало много дорогаго времени и въ добавокъ мертвая буква заступала на судѣ мѣсто живаго слова. Правительство заботилось только объ устраненіи *лишней* волокиты, вызываемой злымъ умысломъ или небрежностью какъ судебныхъ чиновъ, такъ и тяжущихся.

Состояніе законодательства предъ изданіемъ Уложенія также оставляло желать улучшеній. Въ продолженіе столѣтія Судебникъ считался основнымъ краеугольнымъ камнемъ дѣйствующаго права; на дѣлѣ же онъ къ концу періода потерялъ почти всякую жизненную силу. Нѣкоторыя части его окончательно перешли въ вѣчность; другія подверглись разновременнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ, третьи развились въ самостоятельные сборники законовъ для отдѣльныхъ отраслей суда и управленія (напр. по дѣламъ разбойнымъ и татинымъ, помѣстнымъ и вотчиннымъ). Такое состояніе законодательства, помимо внѣшнихъ затрудненій, почти всегда отзывается невыгодно на устойчивости и прочности правныхъ отношеній. Только тамъ, гдѣ судъ и управленіе находятся въ рукахъ опытныхъ и безукоризненныхъ людей, — только тамъ несовершенства законодательства смягчаются разумнымъ толкованіемъ и примѣненіемъ его. Такъ-ли было у насъ въ описываемое время?

Не говоря уже о низкомъ уровнѣ общаго образованія и отсутствіи школъ правовѣдѣнія, не видимъ даже самыхъ простыхъ и незатѣйливыхъ судебныхъ руководствъ, которыя облегчали бы изученіе и усвоеніе дѣйствующаго права. Незамѣтно также никакого стремленія къ собиранію народныхъ правныхъ обычаевъ для восполненія ощутительныхъ пробѣловъ въ писанныхъ законахъ. Что законодательство XVI и первой половины XVII в. не препятствовало свободному развитію обычаевъ, въ этомъ трудно сомнѣваться: судя по воеводскимъ наказамъ, высшее желаніе верховной власти заключалось въ томъ, чтобы судъ творился *въ правду, безъ посуловъ, смотря по дѣлу и по человѣку*. Намъ всегда чуждо было римское ученіе: fiat justitia, pereat mundus; правительство никогда не насиловало совѣсти судьи и не требовало отъ него безпощаднаго примѣненія закона, въ ущербъ высшей правдѣ, справедливости. Не должно, однако, забывать, что между теоріею и практикою всегда существуетъ бо́льшее или меньшее разстояніе, и на обязанности изслѣдователей русскаго права лежитъ рѣшеніе вопроса о томъ, дѣйствительно-ли обычное народное право служило нашимъ приказнымъ судьямъ живымъ, дѣйствующимъ вспомогательнымъ источникомъ. Но пока мы дождемся желаннаго изслѣдованія, невольно бросается въ глаза одно соображеніе, не предрасполагающее къ оптимизму. Если бы обычныя воззрѣнія народа пользовались въ Московскихъ приказахъ полнымъ правомъ гражданства; если бы основанныя на нихъ рѣшенія записывались и тщательно хранились на память: то составителямъ Уложенія врядъ ли понадобилось бы содѣйствіе Литовскаго Статута даже въ скромномъ значеніи программы. Далѣе, господство въ приказахъ обычнаго права, если бы и подтвердилось на дѣлѣ, все же не обезпечивало еще правильнаго примѣненія положительныхъ законовъ, требующаго извѣстной справки и соотвѣтственныхъ пособій. Въ наше время, когда издается какой нибудь новый законъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно указывается, какіе изъ прежнихъ законовъ имъ измѣняются, дополняются или вовсе отмѣняются. Сверхъ того, каждое продолженіе къ своду законовъ снабжено указателемъ, по которому легко справиться въ случаѣ сомнѣнія. За всѣмъ тѣмъ, и у насъ случается, что вопросъ о томъ, такое-то положеніе остается ли въ силѣ или отмѣнено, вызываетъ споры и недоумѣнія. Каково же было рѣшать подобные вопросы дьяку или подьячему XVII в.,

не располагавшему ни такими правительственными указателями, ни частными пособіями нашего времени? Новые законы приписывались къ старымъ Судебникамъ точно такъ же, какъ это дѣлалось во времена Русской Правды и Псковской Судной Грамоты, т. е. въ порядкѣ временной послѣдовательности. Позднѣе, когда составлялись *сводныя* Уложенія, повоуказныя статьи располагались бокъ-о-бокъ съ соотвѣтственными частями Уложенія. Такое размѣщеніе законодательнаго матерьяла, если только удовлетворяло условію полноты и правильности, чрезвычайно облегчало пользованіе источниками. Достаточно было открыть подлежащую главу Уложенія, и историческое развитіе законодательства по нужному предмету представлялось судьѣ во всей его послѣдовательности; но *сводные* судебники подобнаго рода до насъ не дошли; трудно даже сказать, существовали-ли въ Судныхъ приказахъ такія указныя книги, какъ въ Разбойномъ, гдѣ замѣтно стремленіе къ упорядоченію и объединенію разрозненнаго матерьяла. Незадолго предъ изданіемъ Уложенія правительство задумало собрать всѣ законы, относящіеся къ сыску крестьянъ. По этому случаю изъ Московскаго Суднаго приказа присланъ былъ *въ Разрядъ Судебникъ*, изъ котораго и сдѣлана была надлежащая выписка (Акты Археогр. Экспед. т. IV, № 14). Обстоятельство это дастъ право заключить, что вплоть до изданія Уложенія судебные законы находились въ безпорядочномъ состояніи. Сколько же требовалось усилій, чтобы одолѣть такое законодательство? Любопытно, что въ судныхъ дѣлахъ первой половины XVII в. выписки изъ указовъ встрѣчаются почти исключительно въ докладахъ, вносимыхъ въ Боярскую Думу; чаще попадаются онѣ въ дѣлахъ Помѣстнаго приказа, напр. по просьбамъ о пожалованіи помѣстьемъ (см. ниже примѣч. 4).

Хотя свѣдѣнія наши о знаніи законовъ въ XVII в. очень скудны, все же существуютъ признаки, указывающіе на плохое положеніе дѣла. Давно замѣчено, что высшее правительство часто само не знало, выдавало-ли оно когда такому-то лицу или учрежденію жалованную грамоту и на какихъ условіяхъ. Но случалось, что верховная власть сомнѣвалась и въ существованіи какого-либо общаго закона. Такъ, напр., по жалобѣ одного лица на дьяка Устюжской четверти въ недачѣ заказной, послѣдовала резолюція: *„государь пожаловалъ, будетъ такія*

грамоты инымъ даютъ, велѣлъ и ему дать грамоту". Изъ дальнѣйшихъ помѣтъ на той же челобитной видно, что истцу дали грамоту къ губному старостѣ, „*а воеводу сказалъ себѣ недругомъ*" (Московск. Главный Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, приказныя дѣла св. 74, № 72). Мы едва-ли ошибемся, сказавъ, что не было такого приказа, который былъ бы увѣренъ, что у него находятся всѣ указы по его части. Указы, состоявшіеся по частнымъ дѣламъ, сообщались обыкновенно лишь въ тотъ приказъ, откуда эти дѣла поступали. Если же правительство желало, чтобы указъ былъ вѣдомъ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, то дѣлалась особая оговорка о разсылкѣ закона по приказамъ въ видѣ *памятей*, а по городамъ — въ видѣ государевыхъ грамотъ. Потому, когда приказъ встрѣчался съ такимъ случаемъ, на который онъ у себя не находилъ указовъ и боярскихъ приговоровъ, то обращался съ запросомъ къ другому, нѣтъ-ли у того подходящаго повелѣнія. Такъ мы видимъ, что Земскій приказъ, которому подсудны были татинныя и разбойныя дѣла въ городѣ Москвѣ, шлетъ память въ Разбойный и проситъ сообщить ему государевъ указъ о *приводныхъ* лошадяхъ, отдаются-ли онѣ тѣмъ, кто ихъ приводитъ для явки, или продаются на государя. Подобные же случаи происходили и между другими приказами, въ вѣдомствѣ которыхъ состояли однородныя дѣла (А. И. IV, № 16). Иногда приходилось по одному и тому же дѣлу наводить справки въ разныхъ приказахъ; напр. въ 1627 г. Устюжская четверть спрашивала Разбойный приказъ, нѣтъ ли у него указа объ убійствахъ, совершаемыхъ въ бою или въ пьянствѣ, и получивъ отвѣтъ, якобы такого указа нѣтъ у него, повторила запросъ Земскому двору. Такимъ же образомъ поступилъ и Посольскій приказъ, когда ему представился вопросъ о порядкѣ выкупа закладныхъ вотчинъ: сперва снесся онъ съ Володимірскимъ Суднымъ приказомъ, когда же оттуда присланъ былъ отрицательный отвѣтъ, то сдѣланъ былъ запросъ Судному Московскому. Впрочемъ, случалось, что приказъ спрашивалъ у другаго свѣдѣнія о такомъ указѣ, который двукратно записанъ былъ у него же въ книгѣ (см. Христоматію Владимірскаго-Буданова вып. 3-й, стр. 175 и примѣч. 5-е къ настоящей статьѣ).

Въ городахъ и уѣздахъ положеніе дѣлъ долженствовало быть еще

хуже. Хотя и тамъ возможны были сношенія между избами различныхъ наименованій, какъ то: съѣзжими, приказными, земскими, губными; однако количество свѣдѣній въ этихъ судебно-правительственныхъ учрежденіяхъ естественно было ограниченнѣе, чѣмъ въ Московскихъ приказахъ, отъ которыхъ мѣстныя власти — ждали указаній и наставленій. А потребность въ совѣтѣ и руководствѣ несомнѣнно существовала, что́ краснорѣчиво засвидѣтельствовано отпиской видимо добросовѣстнаго Устюжно-Желѣзопольскаго воеводы Тимоѳея Крапоткина. Два раза писалъ онъ въ Устюжскую четь, что въ данномъ ему наказѣ предѣлы его судебной власти неясно очерчены; не знаетъ онъ и того, какимъ порядкомъ слѣдуетъ производить дѣла по кражамъ безъ поличнаго и слѣдуетъ ли взыскивать съ нихъ судебныя пошлины. Неполнота законовъ, по его свидѣтельству, порождаетъ смуту между посадскими людьми; но дождался-ли онъ отвѣта, мы не можемъ поручиться: на сохранившейся второй его отпискѣ нѣтъ никакихъ помѣтъ, которыя указывали бы на дальнѣйшее движеніе и рѣшеніе возбужденныхъ имъ вопросовъ (см. ниже примѣч. 6). Съ другой стороны мы имѣемъ примѣръ, что Разбойный приказъ, получивъ отъ Костромскаго воеводы запросъ по предмету, прямо предусмотрѣнному въ его уставной книгѣ, тѣмъ не менѣе внесъ его на докладъ въ Думу [1]). О неудобствахъ докладнаго порядка производства едва-ли нужно распространяться. Хотя законное условіе доклада, невозможность вершенія дѣла, по своей неопредѣленности, открывало широкій просторъ для его примѣненія, но на дѣлѣ частое употребленіе такого неключительнаго способа едва ли мыслимо. По крайней мѣрѣ, вопросы,

[1]) См. Христоматію Владимірскаго-Буданова, выпускъ 3, стр. 77. Замѣчателенъ также поводъ къ докладу, послѣдствіемъ котораго явился указъ и боярскій приговоръ 25 іюля 1616 г., воспрещающій взиманіе роста Въ Земскомъ приказѣ, послѣ Московскаго разоренья (но *въ которомъ именно году* — не сказано, а это любопытно было бы знать, чтобы опредѣлить, сколько времени прошло отъ открытія указа до внесенія доклада), найденъ былъ Судебникъ, содержавшій въ себѣ указъ 1588 г., коимъ установлена 15-тилѣтняя давность по кабаламъ, передача же ихъ въ третьи руки вмѣсто платежа воспрещена. Впослѣдствіи передача кабалъ взамѣнъ платежа была разрѣшена, и пятнадцатилѣтняя давность по кабальнымъ искамъ подтверждена съ тою лишь отмѣною, что ростъ взыскивался въ количествѣ, не превышающемъ капитальной суммы. Въ виду этого обстоятельства земскій приказъ и возбудилъ вопросъ: слѣдуетъ-ли впредь взыскивать ростъ по кабалямъ и въ какомъ размѣрѣ? (см. Христоматію Владимірскаго-Буданова, вып. 3, стр. 187 и 188).

возникавшіе даже въ приказахъ, столь близкихъ къ верховной власти, долго оставались безъ законодательныхъ рѣшеній, о чемъ можно заключить какъ изъ сопоставленія нѣкоторыхъ вопросовъ, записанныхъ въ уставной книгѣ Разбойнаго приказа, съ соотвѣтственными статьями Уложенія (см. Христоматію Владимірскаго-Буданова, вып. 3, стр. 68—70), такъ и изъ другихъ случаевъ (см. примѣч. 5).

Въ то время, какъ судопроизводство составляло предметъ постоянныхъ правительственныхъ заботъ, законы о правахъ земскихъ развивались очень слабо. Исключеніе составляли только тѣ отдѣлы права, отъ которыхъ зависѣло исправное отбываніе службы и податей. Односторонее развитіе общаго земскаго права еще донынѣ отражается въ дѣйствующемъ сводѣ гражданскихъ законовъ. Благодаря Помѣстному приказу, право помѣстное и вотчинное утвердилось на довольно прочныхъ основахъ, владѣніе же тяглыми дворами и землями охранялось уже гораздо слабѣе, и только земскіе соборы первой половины XVII в. стремились къ большему его упроченію, но цѣль ихъ не была достигнута; свободная же область договоровъ и обязательствъ не имѣла почти никакихъ законныхъ опредѣленій. Въ Судебникѣ и дополнительныхъ къ нему указахъ можно еще отыскать двѣ-три статьи по части займовъ и роста, обезпеченныхъ залогомъ недвижимыхъ и движимыхъ имуществъ, или личною свободою: здѣсь опять замѣшаны выгоды казны, которая всегда заботилась, чтобы земля и люди изъ службы не выходили. Промышленность и торговля развивались; область договоровъ расширялась, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось усиленіе разнаго рода обмановъ и мошенничествъ: обмѣръ, обвѣсъ, подмѣнъ вещей и т. п. Ябедники изъ торговцевъ предъявляли иски во 100 и въ 200 руб., а мирились потомъ на одномъ, на двухъ (см. примѣч. 7). Но что всего поразительнѣе въ земледѣльческомъ государствѣ, каково было Московское, — это ощутительный пробѣлъ въ законахъ чисто земледѣльческихъ, т. е. такихъ, которые охраняли бы право сосѣдства, право на въѣздъ въ чужой лѣсъ для звѣроловства и бортнаго промысла, право на чужія воды, на устройство мельницъ и рыболовство. Для пополненія этого важнаго пробѣла практика прибѣгала, по видимому, то къ обрывкамъ Юстиніанова законодательства (примѣръ чему представляетъ Башилов-

скій списокъ Судебника), то къ извлеченіямъ изъ Литовскаго Статута, которыя приписывались къ Судебнику наравнѣ съ дополнительными указами (какъ напр. въ Эрмитажномъ спискѣ). Этотъ, сколько можно догадываться, самостоятельный починъ практиковъ встрѣтилъ одобреніе въ законодательной коммиссіи, учрежденной для составленія Уложенія. Такимъ образомъ Литовскій Статутъ, какъ бы силою вещей, сдѣлался обильнѣйшимъ источникомъ для Уложенія, помимо или, по меньшей мѣрѣ, безъ прямаго указа царя.

Вотъ тѣ поводы и причины, которые побудили или, по нашимъ соображеніямъ, могли побудить царя къ пересмотру и улучшенію законодательства. Конечно, точное измѣреніе силы и вліянія каждой причины въ отдѣльности въ наше время невозможно; но приблизительное опредѣленіе не представляетъ особенныхъ затрудненій. Смута и волненіе въ средѣ городскаго населенія должны быть признаны существеннымъ поводомъ къ созыву земскаго собора; они же объясняютъ намъ поспѣшность въ ходѣ работъ по Уложенію. Челобитья дворянъ и разныхъ чиновъ торговыхъ людей обратили вниманіе правительства на желаемыя перемѣны и улучшенія для обезпеченія ихъ хозяйственнаго и правнаго положенія. Плачевное состояніе источниковъ права и сопряженныя съ нимъ затрудненія въ порядкѣ государственнаго управленія, безъ сомнѣнія, давали себя чувствовать и помимо временныхъ осложненій и еще прежде указывали на необходимость очистить и привести въ ясность законы, которыми страна доселѣ управлялась и впредь должна управляться. Для правительства приведеніе законодательства въ лучшій внѣшній видъ было важнѣе, чѣмъ для народа. У народа было свое извѣчное излюбленное право, которымъ онъ жилъ какъ до, такъ и послѣ Уложенія. Онъ хорошо зналъ, что источникъ его страданій скрывается не въ отсталости его правныхъ воззрѣній, а въ томъ, что его личность и имущество не были ограждены отъ посягательствъ чиновниковъ, сильныхъ и лихихъ людей. Не то—правительство. Ему нужно было выработать себѣ точную программу дѣйствія. Безъ такой программы, безъ *крѣпости* и *письма* правительству нельзя было сдѣлать ни шага впередъ; оно лишено было возможности разобраться въ круговоротѣ государственнаго и земскаго дѣла и повѣрять дѣятельность поставляемыхъ отъ него чиновниковъ.

Посмотримъ теперь, какъ Уложеніе составлялось, и прежде всего займемся вопросомъ: когда приступлено было къ законодательной работѣ? Вопросъ, казалось бы, праздный, когда намъ извѣстенъ день выхода указа о составленіи Уложенія. То было 16 іюля 1648 г., „въ *третіе* лѣто Богомъ храними державы“ царя Алексѣя Михайловича. Это не совсѣмъ понятно. Михаилъ Ѳеодоровичъ скончался 12 іюля 1645 г. (Дворцовые Разряды т. III, стр. 1); стало быть, 16 іюля 1648-го года приходится уже на четвертый годъ царствованія его преемника. Но эту хронологическую неточность легко себѣ объяснить тѣмъ, что составитель указа велъ счетъ не со дня вступленія государя на престолъ, а со дня вѣнчанія его на царство, что̀ происходило 28 сентября того же года (Дворцовые Разряды, т. III, стр. 14 и 15) [1]); но вотъ чего ужъ никакъ нельзя понять: какимъ образомъ и „*совершеніе*“ Уложенія отнесено послѣсловіемъ также къ *третьему* году Алексѣева царствованія? Съ другой стороны Олеарій, имѣвшій въ своихъ рукахъ Уложеніе, утверждаетъ, будто соборъ для обсужденія Уложенія созванъ въ *1647* году (О состояніи Россіи въ XVII в., стр. 33 въ „Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній“ 1859 г., кн. 5-я. Спб. 1860). Въ смыслѣ фактическомъ это несомнѣнная ошибка, но болѣе, чѣмъ вѣроятно, что мысль о пересмотрѣ дѣйствующаго законодательства созрѣла въ умѣ юнаго царя ранѣе печальныхъ событій, пережитыхъ имъ лѣтомъ 1648-го года. Достойно однако вниманія, что въ подобную же ошибку впалъ и русскій лѣтописецъ, который относитъ составленіе Уложенія къ 158-му (т. е. концу 1649-го и началу 1650-го годовъ).

Во всякомъ случаѣ, при наличности подлиннаго Уложенія, мы смѣло можемъ утверждать, что князь Одоевскій съ товарищами принялись за дѣло вскорѣ послѣ объявленнаго указа 16-го іюля. Ближайшая задача ихъ состояла въ томъ, чтобы: 1) выписать изъ правилъ Св. Апостолъ и Отецъ статьи, *пристойныя* къ государеву и земскому дѣлу; 2) *справить* указы прежнихъ царей и боярскіе приговоры со *старыми* Судебниками;

---

[1]) Не эта ли странность побудила редакцію Полнаго Собранія Законовъ замѣнить 16-е *іюля* 16-мъ *іюня*?

3) написать вновь статьи на случаи, не предусмотрѣнные прежними законами; 4) на основаніи собранныхъ матерьяловъ составить доклады и приносить ихъ къ царю. Какъ велись эти подготовительныя работы, въ какомъ порядкѣ и послѣдовательности, не извѣстно. Безспорно одно, что въ данномъ случаѣ Московскіе приказные дѣльцы обнаружили рѣдкое усердіе и скоро исполнили возложенное на нихъ порученіе. Этотъ горячій порывъ мы склонны приписать тѣмъ потрясающимъ зрѣлищамъ возмутившейся Москвы, которыхъ они были очевидцами. Не забудемъ, что князь Одоевскій лишился дома — по винѣ или безвинно, утверждать не беремся. Скорѣе должно думать, что онъ былъ непричастенъ тѣмъ безобразіямъ, которыя чинились компаніей Морозова: иначе царь не возложилъ бы на него такого порученія, какъ исправленіе законовъ. Указъ не опредѣлялъ срока для окончанія труда, но выборные изъ городовъ созывались на 1-е сентября 1648-го, т. е. на новолѣтіе 7157 г. Трудно допустить, что правительство разсчитывало на окончаніе къ этому дню хотя бы проекта всего Уложенія. Вѣроятно, оно желало своевременно воспользоваться *„общимъ совѣтомъ“*, чтобы внести нужныя улучшенія государственнаго и общественнаго быта въ первую же редакцію новаго *„собранія“*. Дѣйствительно, къ 1-му сентября готово было не болѣе 10-ти начальныхъ главъ; ибо 24 ст. XI гл. воспрещаетъ объ утаенныхъ дворахъ бить челомъ „впредь сентября съ 1 числа *нынѣшняго* 157-го году.“ Если же наше заключеніе правильно, то ко дню дѣйствительнаго открытія собора, т. е. *3 октября*, остальныя 15 главъ не могли еще быть окончены. И вотъ почему: по приблизительному разсчету, объемъ первыхъ 10-ти главъ относится къ объему послѣднихъ 15-ти, какъ 1 къ $2^1/_2$. Употребивъ на первыя около $1^1/_2$ мѣсяц., редакторы должны были употребить на окончаніе всего труда еще около 4-хъ мѣсяцевъ. Такъ оно и было. Уложеніе, какъ сказано въ его послѣсловіи, *„совершено“ 29 января 1649 г.* Такимъ образомъ, оказывается, что то время какъ однѣ части Уложенія уже слушались, другія еще только составлялись. Выводъ этотъ не можетъ остаться безъ вліянія и на самое изложеніе хода работъ какъ по начертанію, такъ и по утвержденію Уложенной книги. Онъ ставитъ насъ въ необходимость совмѣстнаго разсмотрѣнія такихъ предметовъ, которые въ новѣйшее время обыкновенно раздѣляются. При томъ свѣдѣнія наши по во-

просу, о которомъ мы ведемъ рѣчь, такъ еще скудны, что отъ раздѣленія ихъ скорѣе предвидится вредъ, чѣмъ польза.

Слушаніе Уложенія происходило не въ томъ порядкѣ, въ какомъ главы его расположены въ подлинномъ спискѣ и печатныхъ изданіяхъ. Вотъ доказательства: челобитная народныхъ представителей (30 окт.) о вывозѣ закладчиковъ изъ-за привиллегированныхъ особъ и учрежденій, доложена царю *13 октября*, а вторичная ихъ челобитная о томъ, чтобы сыскъ тяглецовъ производился *безлихвно*, т. е. независимо отъ давности,—*25-го того же мѣсяца* (А. А. Э. IV, № 32); впрочемъ, нельзя утверждать, чтобы въ этотъ день 19-я глава утверждена была окончательно въ томъ видѣ, какъ она теперь читается въ Уложенномъ столбцѣ и печатныхъ книгахъ: до насъ дошли докладныя выписки, касающіяся только принципіальныхъ вопросовъ,—и одна изъ нихъ, послужившая источникомъ для 9 ст. XIX гл., слушана *18 декабря 1648*-го года (А. А. Э. IV, 3, 2, II). XI гл. слушалась въ *началѣ января 1649-го года;* ибо законъ объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ для крестьянскаго сыска долженъ былъ войти въ силу со *2-го января того же года,* какъ о томъ свидѣтельствуетъ грамота въ Звенигородъ отъ *24 января 1649 года* (А. И. IV, № 30). Самою послѣднею утверждена глава о вотчинахъ. Это видно изъ заключительной ея статьи, которою запрещается возобновленіе дѣлъ, рѣшенныхъ до *28 января 1649 г.* (XVII, 55). Между тѣмъ, челобитье выборныхъ о поворотѣ имѣній, пріобрѣтенныхъ духовенствомъ и монастырями мимо прежняго соборнаго Уложенія, подана была еще въ *началѣ ноября* 1648 г. (А. А. Э. IV, № 33). Видно благочестивый государь долго задумывался надъ вопросомъ о церковныхъ имѣніяхъ и не торопился его рѣшеніемъ.

Представивъ краткій очеркъ совмѣстной дѣятельности правительственной коммиссіи и выборныхъ отъ земли, займемся теперь нѣкоторыми вопросами, относящимися исключительно къ народному представительству въ Московскомъ государствѣ. Прежде всего мы остановимся на *личномъ составѣ собора.* Засѣданія собора происходили въ двухъ отдѣльныхъ палатахъ: одна, подъ предсѣдательствомъ царя, соединяла въ себѣ освященный соборъ и думныхъ людей, т. е. бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ и дьяковъ. Члены этой палаты назначались лично государемъ. Дру-

гая (*отвѣтная*) палата состояла изъ *выборныхъ отъ разныхъ чиновъ*. Предсѣдателемъ ея былъ начальникъ приказа Сыскныхъ дѣлъ, боярин кн. Юрій Долгорукій (Дворцовые разряды III, стр. 108, подъ 25 нояб. 1648 г.; по лѣтописи (П. С. Л. IV, 340), Долгорукій произведенъ въ бояре 22 ноября).

Выборы въ *земскую* палату *должны были* производиться на слѣдующемъ основаніи: изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ Московскихъ и жильцовъ — изъ чина по два человѣка, изъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ — по два и по одному, смотря по величинѣ города; изъ Новгородскихъ же — по человѣку съ пятины; изъ гостей — трехъ, изъ гостинной и суконной сотенъ — по два; изъ посадовъ, тяглыхъ сотенъ и слободъ — по одному. Отсюда видно, что основною избирательною единицею признавался чинъ; тѣ же чины, которые отличаются многочисленностью и приписаны къ опредѣленнымъ общественно-правительственнымъ пунктамъ, образовали соотвѣтственное число избирательныхъ округовъ. Любопытно было бы опредѣлить, сколько человѣкъ должно было явиться въ Москву для полнаго представительства земли, согласно указу 16-го іюля; но вычисленіе затрудняется особенно тѣмъ, что намъ неизвѣстно, какіе города причислялись къ разряду меньшихъ. Мало того: не смотря на то, что до насъ дошелъ подлинный списокъ Уложенія, скрѣпленный руками соборныхъ людей, до сихъ поръ не удалось еще въ точности установить взаимнаго количественнаго отношенія между представителями различныхъ чиновъ. Причинъ тому нѣсколько: первая — это неисправность Миллеровскаго списка, которымъ ученые доселѣ пользовались, безъ повѣрки съ подлинникомъ [1]). Помимо искаженія именъ, прибавка или убавка какого нибудь *и* тотчасъ увеличивала или уменьшала истинное количество выборныхъ на единицу. Во вторыхъ, означая каждую подпись числомъ по порядку, изслѣдователи упускали изъ виду, что нѣкоторые члены собора подписались сами или за нихъ подписались другіе — по два раза (ср. №№ 122 и 174; 132 и 164; 261 и 266; 85 и 198; также 72 и 165). Въ третьихъ, въ

---

[1]) Списокъ этотъ напечатанъ въ первой книгѣ «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній» 1850 г. въ видѣ приложенія къ статьѣ Н. Е. Забѣлина: «Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича». Всѣ приводимыя ниже указанія относятся именно къ этому списку.

весьма многихъ подписяхъ не указывается ни чина подписавшагося, ни званія его, какъ выборнаго. На первый взглядъ представлялось вѣроятнымъ, что чины слѣдуютъ одинъ за другимъ въ установленномъ лѣствичномъ порядкѣ; но ближайшее знакомство съ рукоприкладствами разубѣждаетъ насъ въ этомъ. Въ промежуткахъ между лицами несомнѣнно дворянскаго происхожденія мелькаютъ имена, которыя сами свидѣтельствуютъ о своемъ тягломъ состояніи. Уменьшительныя имена также не могутъ служить надежнымъ признакомъ, потому что весьма много посадскихъ подписались полными именами. Чтобы устранить всѣ сомнѣнія, остается одно средство— обратиться къ подлиннымъ спискамъ служилыхъ людей и тяглецовъ, хранящимся въ разныхъ архивахъ, а также къ именнымъ указателямъ, составленнымъ для Актовъ Историческихъ и ихъ Дополненій, Актовъ Юридическихъ и т. п. Это трудъ кропотливый, но неизбѣжный. Мы сдѣлали пока небольшой опытъ съ помощью указателей къ Актамъ Историческимъ и ихъ Дополненіямъ, а также списка воеводъ и разныхъ служилыхъ людей, встрѣчающихся въ Дворцовыхъ Разрядахъ. Этимъ способомъ намъ удалось опредѣлить въ точности чинъ нѣсколькихъ рукоприкладчиковъ. Потому можно надѣяться, что просмотръ архивныхъ документовъ увѣнчаетъ попытку если не полнымъ, то большимъ успѣхомъ. Тогда мы получимъ ясное представленіе о дѣйствительномъ взаимномъ отношеніи различныхъ общественныхъ классовъ, участвовавшихъ въ соборѣ 1648 — 1649 годовъ. Въ настоящее же время приходится ограничиваться слѣдующими положительными данными. Общій итогъ лицъ, засѣдавшихъ какъ въ высшей, такъ и въ низшей палатахъ, образуетъ цифру 309. Число членовъ первой равняется 43; остатокъ 266 представляетъ собою число лицъ, засѣдавшихъ въ отвѣтной палатѣ по выбору разныхъ чиновъ. Между ними на долю Московскаго дворянства приходится пять человѣкъ, т. е. на три менѣе того, что требовалось по указу (изъ четырехъ чиновъ: стольниковъ, стряпчихъ, собственно дворянъ Московскихъ и жильцовъ слѣдовало выбрать всего 8 человѣкъ). Въ числѣ избранныхъ трое встрѣчаются въ рядахъ стольниковъ (№№ 44—48; см. Дворцовые Разряды т. III, столб. 71, 83, 230, 248), а двое собственно дворяне. Гости вполнѣ воспользовались своимъ правомъ, приславъ трехъ членовъ. Гостиная сотня не имѣла вовсе представителей; суконная выбрала двухъ, какъ и слѣдовало. Отъ восьми

тяглыхъ сотенъ и слободъ (№№ 291, 205, 290, 207—209, 224, 206, 223 и 220) выбрано 10 челов. Пятнадцать стрѣлецкихъ приказовъ тоже прислали каждый по одному выборному, хотя объ нихъ въ указѣ нѣтъ ни слова. Остается еще главная масса выборныхъ — городовое дворянство и посадское населеніе; но, какъ уже замѣчено, точное опредѣленіе числа представителей обоихъ этихъ чиновъ — дѣло будущихъ болѣе подробныхъ изысканій (см. ниже примѣчаніе 9). Не можемъ только обойти молчаніемъ одного обстоятельства, которое имѣло бы большое значеніе для изученія выборныхъ порядковъ древней Россіи, если бы смыслъ его не возбуждалъ никакихъ сомнѣній: одно изъ рукоприкладствъ гласитъ: „*по выбору Лучанъ и Пусторжевцовъ* Микита Сумароковъ руку приложилъ“. При буквальномъ пониманіи этой подписи легко подумать, что Сумароковъ былъ уполномоченъ на представительство двухъ городовъ — Лукъ и Ржевы Пустой. Между тѣмъ, изъ другихъ подписей видимъ, что оба города — Ржева Пустая, равно какъ и Луки, имѣли своихъ особыхъ представителей (см. №№ 126, 129, 131, 228).

Общее значеніе Земскаго Собора 1648—1649 гг. опредѣляется въ наукѣ различнымъ образомъ: одни низводятъ его до простой формальности; другіе, напротивъ, придаютъ ему бо́льшую или меньшую важность. Причина такого разногласія лежитъ, какъ мнѣ кажется, въ свойствахъ главнаго источника, откуда обыкновенно черпаются свѣдѣнія о ходѣ работъ по Уложенію. Мы имѣемъ здѣсь въ виду предисловіе или вступительный указъ, стоящій въ началѣ памятника. Указъ этотъ самъ подастъ поводъ къ мысли, что правительственныя распоряженія и особенно ихъ исполненіе не соотвѣтствовали благой цѣли, которою они были вызваны. Дѣйствительно, въ рѣчи своей къ духовенству и боярамъ, сказанной 16 іюля 1648 г., государь, объявивъ свое желаніе объ уравненіи всѣхъ чиновъ судомъ и расправою, призналъ нужнымъ дѣйствующіе законы исправить и дополнить *общимъ совѣтомъ*. По буквальному смыслу рѣчи, назначеніе *общаго совѣта* въ томъ, чтобы пристойныя статьи, *какъ прежнія, такъ и новыя, написать и изложить* [1]). Понятіе *общаго совѣта* само по себѣ допускаетъ раз-

[1]) Вотъ подлинныя выраженія предисловія: „А на которыя статьи, въ прошлыхъ годѣхъ, прежнихъ государей въ судебникахъ указу не положено, и боярскихъ приговоровъ

личныя толкованія: подъ нимъ одинаково можно разумѣть и совѣтъ всѣхъ 5 составителей Уложенія, и совѣтъ освященнаго собора и Боярской Думы, наконецъ совѣтъ всей земли. Выраженіе это встрѣчается въ предисловіи еще разъ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ сообщается, что Уложеніе читано выборнымъ людямъ, „которые къ тому *общему совѣту* выбраны“. Въ данномъ случаѣ *общій совѣтъ* очевидно знаменуетъ всѣхъ государственныхъ чиновъ; помня же провозглашенную царемъ высокую цѣль уравненія всѣхъ чиновъ по суду и расправѣ, нельзя сомнѣваться, что и въ первомъ случаѣ *общій совѣтъ* употребляется въ томъ же значеніи. По крайней мѣрѣ, современники такъ именно поняли государевъ указъ. Извѣстная память губному старостѣ Обонежской пятины Нагорной половины предписываетъ выслать человѣка, „которому бы быть на Москвѣ съ государевыми бояры“, съ боярином кн. Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ съ товарищи (А. А. Э. IV, № 27). Такимъ образомъ, по смыслу указа, земскій соборъ долженъ былъ участвовать въ „*изложеніи и написаніи*“ статей. Другое еще болѣе важное назначеніе земскихъ выборныхъ людей состояло въ томъ, чтобы съ ними *утвердить и на мѣрѣ поставить* всѣ великія государевы и земскія дѣла. Выраженія эти ясно показываютъ, что собору предоставляется не только обсужденіе мѣръ, предлагаемыхъ правительствомъ, но и внесеніе собственныхъ предложеній, клонящихся къ улучшенію государственнаго и земскаго строя. Спрашивается воспользовался-ли земскій совѣтъ всѣми предоставленными ему правами? Обращаясь все къ тому же предисловію, находимъ: 1) краткое сообщеніе

на тѣ статьи не было: и тѣ въ статьи *потомужъ написати и изложити* по его государеву указу общимъ совѣтомъ». Выраженіе: *потомужъ* означаетъ: *такимъ же образомъ* (т. е. какъ и тѣ статьи, на которыя послѣдовали указы прежнихъ государей). Тѣ изъ писателей, которые ограничиваютъ участіе выборныхъ обсужденіемъ однихъ лишь новыхъ статей, оставляютъ безъ объясненія это существенное слово. Таковы напр. гг. Васьевъ (О вмѣненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права, стр. 16) и Загоскинъ (Исторія права Московскаго государства, стр. 283 и 284). Къ тому же нельзя найти разумнаго основанія, почему бы выборъ *пристойныхъ* статей изъ градскихъ законовъ почитался не подлежащимъ обсужденію выборныхъ: вѣдь онѣ такъ же должны восполнить пробѣлы въ прежнихъ указахъ, какъ и тѣ, которыя вновь будутъ написаны. Наконецъ, сохраненіе добрыхъ старыхъ законовъ развѣ менѣе важно было для народа, чѣмъ сочиненіе новыхъ, достоинство которыхъ еще никѣмъ не испытано?

о дѣятельности правительственной коммиссіи со дня ея учрежденія до открытія собора, т. е. до 3-го октября. Въ теченіе этихъ двухъ съ половиною мѣсяцевъ она занималась не только выпискою прежнихъ статей, но и составленіемъ новыхъ, и тѣ и другія приносила къ царю; о томъ же, участвовали-ли въ этихъ трудахъ народные представители, предисловіе умалчиваетъ. 2) Съ 3-го октября государь съ освященнымъ соборомъ и боярами Уложеніе *слушали*, а выборнымъ людямъ *„чтено“* въ отвѣтной палатѣ, въ присутствіи царскаго ставленника, боярина князя Долгорукова. Это сочетаніе выраженій: *„слушали“* и *„чтено“* также вызываетъ нѣкоторыя недоумѣнія, а именно: въ одно ли время началось *слушаніе* Уложенія царемъ и *чтеніе* его предъ выборными или одно предшествовало другому? далѣе, сопровождалось-ли чтеніе Уложенія свободнымъ его обсужденіемъ со стороны народныхъ представителей, или же эти послѣдніе безмолвно внимали голосу чтеца? Вотъ тѣ недоумѣнія, которыя вызываетъ указъ частью молчаніемъ, частью двусмысленностью. Постараемся разрѣшить всѣ эти вопросы на основаніи наличныхъ отрывочныхъ свѣдѣній и нѣкоторыхъ общихъ соображеній. У насъ нѣтъ прямыхъ указаній на совѣщанія правительственной коммиссіи съ выборными касательно *„изложенія и написанія“* какихъ-нибудь статей; знаемъ только, что какъ до открытія собора, такъ и во время его засѣданій въ рукахъ составителей Уложенія находились челобитныя разныхъ чиновъ людей, которыя и докладывались ими царю (А. И. IV, № 30; А. А. Э. IV, № 32). Извѣстно, что предсѣдательствовавшій въ отвѣтной палатѣ Ю. А. Долгорукій, въ чинѣ боярина, достигъ этого сана не ранѣе 20-хъ чиселъ ноября 1648-го года (сл. П. С. Л. IV, г. 1648, съ Дворцовыми Разрядами III, столб. 108). Очевидно, стало быть, что выборнымъ людямъ Уложеніе *чтено* гораздо позже, чѣмъ слушано царемъ и его ближайшими совѣтниками. Такимъ образомъ трудно утверждать, что во время чтенія Уложенія выборные вели устныя пренія. Въ этомъ отношеніи любопытенъ слѣдующій случай: когда выборнымъ людямъ объявленъ былъ утвержденный царемъ докладъ (13 ноября) о вывозѣ закладчиковъ со 121-го года, то выборные били челомъ государю, чтобъ онъ ихъ пожаловалъ, велѣлъ сносить закладчиковъ безъ лѣтъ. Эта челобитная была также доло-

жена царю 25 ноября, и государь ихъ пожаловалъ [1]). Выборнымъ людямъ принадлежитъ также починъ въ возбужденіи ходатайства объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ, объ учрежденіи Монастырскаго приказа, конфискаціи церковныхъ имѣній, пріобрѣтенныхъ мимо прежнихъ указовъ и соборныхъ уложеній. Призывъ выборныхъ въ Москву къ 1-му сентября ничѣмъ такъ удовлетворительно не объясняется, какъ желаніемъ правительства заранѣе узнать народныя нужды и потребности и сообразоваться съ ними при начертаніи новыхъ законовъ. Съ другой стороны, четырехмѣсячное пребываніе выборныхъ въ Москвѣ, считая только съ 3-го октября 1648-го по 29 января 1649 года, также не вяжется съ мыслью о безмолвномъ выслушаніи и подписаніи Уложенія. Чтобы согласить всѣ эти противоположные одинъ другому доводы, остается, какъ намъ кажется, одно предположеніе: каждое сословіе въ лицѣ своихъ выборныхъ или отправленіемъ особыхъ челобитныхъ отстаивало свои выгоды болѣе или менѣе дѣятельно, при чемъ каждое прибѣгало къ доступнымъ ему способамъ. Такъ, высшее духовенство и боярство могло вліять непосредственно на царя; напротивъ, выборные отъ земли должны были болѣе дѣйствовать на предсѣдателя своего, боярина кн. Долгорукаго, и на членовъ законодательной коммиссіи. Долгорукій, какъ главный начальникъ приказа Сыскныхъ дѣлъ, уже въ силу своего служебнаго положенія, долженъ былъ радѣть о защитѣ слабыхъ отъ сильныхъ.

Сличеніе дошедшихъ до насъ челобитныхъ съ соотвѣтственными распоряженіями Уложенія дастъ возможность прослѣдить по нѣкоторымъ частностямъ ходъ борьбы между различными элементами. Укажемъ только на два примѣра. Земскіе люди просили царя о полной секуляризаціи церковныхъ вотчинъ, пріобрѣтенныхъ духовными властями и монастырями въ промежутокъ времени отъ 1580 до 1648 г. Вслѣдствіе этой челобитной затребованы были свѣдѣнія отъ Помѣстнаго приказа (А. А.

---

[1]) Фактъ этотъ бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на истинное значеніе слова: «*чтено*». Слушая статьи, утвержденныя уже церковною властью, выборные не могли уже относиться къ нимъ критически; но имъ не воспрещалось просить царской милости. Надо еще замѣтить, что челобитье было подано не въ мѣстѣ соборныхъ засѣданій, т. е. въ Отвѣтной Палатѣ, а въ приказѣ Сыскныхъ дѣлъ. (А. А. Э. IV, № 32, III, стр. 48).

Э. IV, № 33). Нѣтъ сомнѣнія, что патріархъ и прочія духовныя особы, участвовавшіе въ соборѣ, употребили все свое нравственное вліяніе на благочестиваго царя, который, какъ видно изъ 42 ст. XVII гл., и отклонилъ просьбу выборныхъ, подтвердивъ только на будущее время прежнее запрещеніе и усиливъ его нѣкоторыми предупредительными мѣрами (ст. 43 и 44 той же гл.). Обратимся теперь къ XI главѣ. Извѣстно, что она вызвана ходатайствомъ дворянъ и дѣтей боярскихъ объ отмѣнѣ давности по искамъ о бѣглыхъ крестьянахъ. По законамъ, дѣйствовавшимъ еще до Уложенія, отвѣтчикъ, присужденный къ возврату бѣглаго крестьянина, вмѣстѣ съ тѣмъ обязанъ былъ удовлетворить истца *владѣнными* деньгами за доходы, которые тотъ долженъ бы получать съ крестьянина за время его бѣгства (см. указъ 1642 года 11 марта въ Христоматіи Владимірскаго-Буданова, выпускъ 3-й, стр. 168). Между тѣмъ, Уложеніе, уваживъ вообще ходатайство дворянъ, и установляя на будущее время платежъ *владѣнія* въ размѣрѣ 10 рублей за годъ, освобождаетъ отвѣтчиковъ отъ него за время, истекшее до Уложенія (гл. XI, ст. 3). Это временное изъятіе, очевидно, явилось, какъ уступка боярству и духовенству.

Посмотримъ, какъ сословная обособленность отразилась на соборныхъ приговорахъ. XVII гл. ст. 42, перечисляя всѣ чины, съ которыми государь *совѣтовалъ* и *говорилъ* о церковныхъ имуществахъ, не идетъ далѣе дѣтей боярскихъ, т. е. служилаго сословія. Отсюда заключаемъ, что въ этомъ «*соборномъ приговорѣ*» люди тяглые не участвовали. Тоже замѣчается и въ исполнительной грамотѣ, отправленной въ Звенигородъ, извѣщающей о состоявшейся отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ для крестьянскаго сыска: здѣсь опять поименованы одни служилые люди (А. И. IV, № 30). Въ другихъ статьяхъ XVII гл. (которая—замѣтимъ—вообще носитъ на себѣ свѣжіе слѣды докладной выписки и потому обилуетъ историческими указаніями) встрѣчаемъ одни царскіе указы да боярскіе приговоры (ст. 2, 4 и др.). Но особенно любопытна 1 ст. XIII гл. Въ ней нѣтъ и помину ни о совѣтѣ съ освященнымъ соборомъ, ни о *говореніи* съ боярами; Монастырскій приказъ учреждается по собственной волѣ царя, по его *указу*, а *по челобитью* выборныхъ людей, начиная отъ стольниковъ и кончая послѣдними разрядами тяглецовъ.

Выяснивъ по возможности ходъ занятій и степень участія собора въ составленіи и утвержденіи Уложенія, хотѣлось бы узнать что нибудь и о томъ, чѣмъ ознаменовалось его открытіе и закрытіе, какъ отнеслось правительство и общество къ такому многознаменательному событію, какъ соборному прекращенію проявившейся наружу смуты и междоусобицы. Съ грустью приходится сознаться, что поиски наши въ этомъ направленіи остались пока тщетными. И удивительное дѣло, въ то время, какъ о другихъ менѣе важныхъ соборахъ можно найти кое-какія указанія, напр., что такого-то числа у государя были за столомъ выборные люди (1), или что такого-то числа царь былъ на соборѣ, одѣтый въ такой-то нарядъ, соборъ 1649-го года не оставилъ по себѣ даже и такихъ слѣдовъ въ оффиціальныхъ дворцовыхъ запискахъ. Между тѣмъ, помимо самаго собора, какъ крупнаго общественнаго явленія, во время его засѣданій у царя родился наслѣдникъ — царевичъ Дмитрій (2). Вотъ, казалось бы, удобный поводъ, чтобы выборные отъ земли выступили на сцену съ поздравленіями и приняли участіе въ семейной радости царя. Но ничего подобнаго не видно. Все, чѣмъ ознаменовалось окончаніе столь важнаго дѣла, по нашимъ свѣдѣніямъ, состояло въ обѣдѣ, на которомъ присутствовали Одоевскій, Долгорукій и Волконскій (3). Еще раньше, а именно 25 ноября 1848-го года, дьяку Ѳедору Грибоѣдову „учиненъ помѣстный окладъ 600 четей, денегъ 70 руб. (боярская книга № 4 въ Московскомъ Архивѣ Мин. Юст.). Этотъ неутомимый и примѣрный труженикъ и впослѣдствіи удостоивался неоднократно царскихъ наградъ то „для его приказные многіе работы“ (боярская книга № 5 въ томъ же Архивѣ), то „за степенную книгу благовѣрнаго и благо-

(1) См., напр., Дворцовые Разряды, III, столб. 220, гдѣ описанъ столъ 23 февраля 1651 г., у котораго были бояре Б. А Репнинъ, кн. О. О. Волконскій и окольничій М. А. Ртищевъ, да «*выборные городовые дворяне и выборные посадскіе люди*». См. тамъ же, столб. 354, столъ у государя 5 іюня 1653 г.: «да у стола къ пожаловалъ государь, велѣлъ быть *выборнымъ городовымъ дворянамъ двойникамъ*». На это число назначено было открытіе собора по вопросу о принятіи Малороссіи въ подданство; дѣйствительное же открытіе его происходило 1 октября (тамъ же, столб. 369).

(2) Царевичъ Дмитрій Алексѣевичъ родился 22, а крещенъ 29-го октября 1648-го года (см. Дворцовые Разряды III, столб. 106 и 107).

(3) Дворцовые Разряды, т. III, столбцы 111 и 112, описаніе стола 28 января 1649-го

чествиаго рода Романовыхъ", составленную имъ въ 1669 г. „по имянному Великаго Государя указу", то за другія заслуги его на поприщѣ государственной службы и отечественной исторіи (см. примѣчаніе 8).

Порядокъ обнародованія Уложенія и вступленія его въ дѣйствіе представляетъ также не мало любопытнаго. Здѣсь мы встрѣчаемся съ явленіями, совершенно непривычными нашему правосозерцанію. Уложеніе *вступало* въ силу закона по частямъ, по мѣрѣ ихъ разсмотрѣнія и утвержденія верховною властью. Подтвердимъ это положеніе фактами: 25-го ноября 1648-го года утверждены главныя основанія XIX главы Уложенія, и уже на другой или на третій день государь „указалъ сбирать по Москвѣ и въ городахъ закладчиковъ боярину князь Юрью Алексѣевичу Долгорукому" съ товарищами (Дворц. Разр. III, столб. 108). Далѣе, во второй половинѣ января слѣдующаго года, когда Уложеніе не было еще утверждено въ цѣлости, XI глава его разсылалась уже по городамъ при особыхъ царскихъ грамотахъ, возвѣщавшихъ о томъ, что урочные годы для сыска крестьянъ отмѣняются *со 2-го того-же января*, т. е. до обнародованія Уложенія на мѣстахъ. Вспомнимъ также, что, въ силу 55 ст. XVII гл., вотчинныя дѣла, не рѣшенныя до 28 января 1649 года, подлежали уже дѣйствію новыхъ законовъ. Какъ чуждо было нашему народу коренное правило новѣйшаго законодательства, что никакой законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія,—легко убѣдиться по слѣдующимъ примѣрамъ: Уложеніе сочло необходимымъ нѣсколько разъ повторить, что дѣла такого-то рода, рѣшенныя на основаніи прежнихъ законовъ, не могутъ быть вновь возбуждаемы, подъ страхомъ наказанія (X, 154; XI, 8; XV, 4; XVII, 55; XX, 119). Не забудемъ и требованія выборныхъ людей, чтобы вывозъ закладчиковъ производился безлѣтно, не обращая вниманія на то, что иные тяглецы выбыли изъ своихъ общинъ еще до уничтоженія права выхода.

Въ заключеніе сообщимъ нѣсколько свѣдѣній о печатаніи Уложенія и распространеніи его въ народѣ.

Уложеніе кончается послѣсловіемъ, которое гласитъ: „Совершена сія книга повелѣніемъ великаго государя царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи самодержца въ третіе лѣто Богомъ хра-

нимыя его державы и при сынѣ государевѣ благовѣрномъ царевичѣ и великомъ князѣ Димитріи Алексѣевичѣ въ первое лѣто рожденія его, лѣта 7157-го генваря въ 29 день". Въ чемъ же заключалось это „*совершеніе*"? Уже въ отчетѣ о прошлогодней поѣздкѣ я доказалъ, что подъ *совершеніемъ* нельзя разумѣть напечатаніе Уложенія, теперь же понятіе это получаетъ для насъ полную ясность и отчетливость. Мы видѣли, что Уложеніе утверждалось и вступало въ дѣйствіе по частямъ и что въ ряду этихъ частичныхъ утвержденій послѣднее относится къ 28 января 1649 г. Что же еще оставалось сдѣлать на слѣдующій день, когда, по свидѣтельству послѣсловія, *Уложенная книга совершена?* Ничего болѣе, какъ скрѣпить уложенный списокъ руками святѣйшаго патріарха и всѣхъ членовъ собора. Изъ предисловія къ Уложенію видно, что списокъ этотъ изготовленъ по именному указу царя съ тою именно цѣлью, чтобы всѣ участники собора приложили къ нему свои руки. Внѣшній видъ уложеннаго столбца описанъ нами въ отчетѣ о прошлогодней поѣздкѣ въ Москву (Сборникъ Археологическаго Института кн. 2, стр. 13—20). Разнообразіе почерковъ, помарки, вставки, подчистки и наконецъ сохранившаяся до нашихъ дней *опись поправкамъ* (напечатанная въ той же книгѣ нашего Сборника стр. 23—30), все это указываетъ на спѣшность работы. Но отсюда нельзя еще заключать, подобно Строеву, что Уложенный списокъ представляетъ собою первоначальный проектъ, внесенный законодательною коммиссіею на разсмотрѣніе и утвержденіе собора. Выраженіе послѣсловія: *совершена сія книга* вмѣстѣ съ общимъ смысломъ предисловія позволяетъ думать, что начальный черновой подлинникъ имѣлъ видъ *книги*, съ болѣе или менѣе широкими полями для разныхъ замѣтокъ и поправокъ. Одна изъ такихъ замѣтокъ (очевидно по ошибкѣ переписчика) попала въ текстъ уложеннаго столбца, именно 30 ст. X гл. (см. Сборникъ Археологическаго Института, кн. 2, стр. 18). Когда Уложеніе такимъ образомъ было написано на списокъ, нужно было приготовить его къ печати. Съ этою цѣлью царь повелѣлъ переписать его въ книгу за скрѣпою дьяковъ Леонтьева и Грибоѣдова, что̀ и исполнено. Печатаніе Уложенія началось, согласно указу царя, 7-го апрѣля и окончено 20 мая 1649 г. Первый *заводъ* печатался въ количествѣ 1200

книгъ. По расходнымъ книгамъ Печатнаго двора видно, что печатаніе этого завода обошлось первоначально въ 828 руб., но затѣмъ израсходовано было еще 123 руб. 32 алт. *„на передѣлку, что передѣлывали судныхъ дѣлъ въ книги семьдесятъ два листа“*, всего 951 руб. 32 алт. (см. Сборникъ Археологическаго Института, кн. 2, стр. 23). По докладу боярина и дворецкаго Львова отъ 1 іюня 1649 г. послѣдовалъ царскій указъ о продажѣ *Уложенія судныхъ дѣлъ* по 1 руб. за книгу. Продажа началась 14-го іюня и шла очень успѣшно. Съ 1-го августа цѣна книги назначена въ 40 алтынъ; къ 7-му числу того же мѣсяца, продажа, кажется, прекратилась, хотя изданіе не было еще распродано (см. ниже примѣчаніе 10). Чрезъ 3 недѣли, именно 27-го числа, послѣдовалъ царскій указъ о печатаніи втораго завода также въ числѣ 1200 книгъ. Заводъ этотъ вышелъ въ свѣтъ 21-го декабря. Книга продавалась по прежней цѣнѣ, но расходилась уже тихо: продажа окончена 26-го августа 1651-го года (см. примѣчаніе 10).

Изъ приведенныхъ свѣдѣній видно, что въ 1649 г. вышло всего два изданія Уложенія; между тѣмъ внѣшніе признаки дошедшихъ до нашего времени старопечатныхъ книгъ Уложенія заставили насъ, вмѣстѣ съ другими библіографами, признать существованіе трехъ изданій.

Быть можетъ, со временемъ я или кто нибудь другой изъ моихъ товарищей по Институту выяснитъ это недоумѣніе; теперь же я рѣшить его не берусь.

Д. Мейчикъ,
слушатель Института.

1 октября 1879 г.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Какъ въ общихъ сочиненіяхъ по древнему русскому праву, такъ и въ особыхъ изслѣдованіяхъ объ Уложеніи, обстоятельства, при которыхъ изданъ былъ этотъ памятникъ, оставляются въ тѣни. Отдѣльныя цѣнныя замѣтки попадаются въ «Исторіи Россіи» Соловьева, въ изслѣдованіи г. Власьева «О вмѣненіи» и въ статьѣ проф. В. И. Сергѣевича: «Земскіе

соборы въ Московскомъ государствѣ». Соловьевъ прямо признаетъ Уложеніе составленнымъ подъ сильнымъ вліяніемъ движеній, обнаружившихся въ городскомъ населеніи вслѣдствіе неудовлетворенія жалобъ, накопившихся отъ прежняго царствованія и умножившихся въ первые годы новаго царствованія (т. XIII, стр. 45). Г. Васьевъ, напротивъ, спѣшится убѣдить, что нельзя сомнѣваться въ достовѣрности оффиціальнаго извѣстія о челобитьяхъ дворянства и торговаго класса. Такого же мнѣнія, по видимому, держится и проф. Загоскинъ въ своей «Исторіи права Московскаго государства»; но такъ какъ память губному старостѣ Нагорной половины не указываетъ времени, когда подано было челобитье дворянъ Московскихъ и иныхъ городовъ и *разныхъ чиновъ торговыхъ людей*, то онъ высказываетъ предположеніе, что челобитье было подано царю еще въ 1645 г., когда, по свидѣтельству Котошихина, состоялся соборъ изъ *всякихъ чиновъ людей* для *«обранія»* преемника царю Михаилу Ѳедоровичу (стр. 280). Мнѣніе это не выдерживаетъ критики: 1) въ памяти указывается только на дворянъ и торговыхъ людей, тогда какъ у Котошихина являются люди *всякихъ чиновъ*; 2) память не содержитъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на какой-нибудь соборъ; 3) ни откуда не видно, что предметомъ челобитья былъ именно коренной пересмотръ дѣйствующихъ узаконеній и изданіе новаго Уложенія. В. И. Сергѣевичъ поступилъ осторожнѣе: не отвергая челобитья, какъ повода къ изданію Уложенія, онъ не даетъ ему, однако, рѣшительнаго значенія.

Въ дополненіе къ сказанному въ текстѣ о совокупномъ дѣйствіи смутъ и челобитій не мѣшаетъ припомнить эпизодъ изъ суда надъ Никономъ. Ставъ предъ отцами собора, бывшій патріархъ говорилъ: «когда на Москвѣ учинился бунтъ, то и ты, царское величество, самъ неправду свидѣтельствовалъ». На это ему царь отвѣтилъ: на меня никто *бунтомъ* не приказывалъ, а что приходили земскіе люди, и то не на меня, приходили *бить челомъ* мнѣ объ обидахъ (Исторія Россіи Соловьева, т. XI, стр. 370).

2. Изучивъ положеніе областныхъ правителей на основаніи Уложенія и другихъ памятниковъ XVII в., г. Чичеринъ замѣтилъ, что трудно вѣрится, чтобы дѣло такъ плохо обстояло въ дѣйствительности (Областныя учрежденія Россіи въ XVII в., стр. 141): нижеслѣдующія выписки изъ архивныхъ документовъ показываютъ, что впечатлѣніе, производимое законодательными распоряженіями противъ ослушниковъ, не преувеличено (1).

«И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты-бъ въ Романовской уѣздъ въ Степашково помѣстье Вайсубина послалъ кого приторже, а съ нимъ послалъ пушкарей и разсыльщиковъ, и велѣлъ Андреева крестьянина Дарѣева Перву.... вынять и прислать его къ намъ къ Москвѣ, а крестьянъ, которые нашего указу не послушали, Андреева крестьянина Дарѣева на поруку не дали и его у розсыльщиковъ вибили, велѣлъ бить батоги и на нихъ же велѣлъ сей доправить отъ дву нашихъ грамотъ подписныя и печатныя пошлины и отдалъ истцу» (Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ, приказныя дѣла, св. 65 № 79).

---

(1) Считаемъ нелишнимъ замѣтить, что во всѣхъ помѣщаемыхъ ниже выдержкахъ изъ архивныхъ дѣлъ правописаніе приведено нами въ единообразный видъ для удобства чтенія.

Въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи между столбцами Сибирскаго приказа (общій № 6113, частный № 69) сохранилась отписка въ Разрядъ воеводы Ивана Шаховскаго по дѣлу бѣлевца Ивана Волжинскаго съ бывшимъ воеводою Даніилою Шенгурскимъ о бѣглыхъ крестьянахъ (1643—1644 г.). Вотъ что сообщается здѣсь о поведеніи на судѣ отвѣтчика. Даніило сказалъ: «что у него бѣглые люди есть... а сказались ему въ приводѣ князь Семеновы люди Масальскаго, и я, холопъ твой, велѣлъ Даніилу тѣхъ бѣглыхъ людей поставить въ съѣзжую избу къ роспросу, что на нихъ извѣщалъ Иванъ Волжинской измѣну и коренья. И Даніило Шенгурской твоего государева указу не послушалъ, тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ къ роспросу не далъ и учинился силенъ, и сказалъ: я де ихъ веду къ Москвѣ, а здѣсь де ихъ не отдамъ, хотя де ко мнѣ и присылай, и я де тѣхъ людей изъ пищалей побью, кого пришлешь, хотя де и голову со всѣмъ приказомъ присылай, и я де людей не отдамъ, и поруки, государь, по себѣ Даніило не далъ, что ему де тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ объявить въ Москвѣ въ Розрядѣ».

Приведемъ еще выписку изъ приказныхъ дѣлъ Московскаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (св. 15, № 2). Вотъ что доносили въ Москву Ярославскій воевода съ товарищами (отъ 16 февраля 1625 г.) по дѣлу татарина Агайзянова съ княземъ Артеміемъ Шейдяковымъ.

«И по твоей государевѣ царевѣ и великого князя Михаила Оедоровича всея Русіи грамотѣ князь Ортемей Шейдяковъ передъ нами, холопи твоими, съ татариномъ Агайзяновымъ къ суду съ очей на очи ставленъ, и пековая, государь, челобитная татарина Агайзянова князь Ортемію чтена. И князь Ортемей, государь, выслушавъ истцову челобитную, твоей государевы грамоты не послушалъ, противъ челобитные татарина Агайзяна передъ нами, холопи твоими, не отвѣчалъ, и мы, холопи твои, князь Ортемію говорили о томъ много, чтобъ онъ по твоей государевѣ грамотѣ передъ нами, холопи твоими, въ томъ татарскомъ иску отвѣчалъ. И князь Ортемей не послушалъ же».

О томъ же князѣ Артеміи Шейдяковѣ см. еще слѣдующее примѣчаніе.

3. Между приказными дѣлами Московскаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сохранился отрывокъ изъ доклада царю по жалобѣ крестьянъ Ярославскаго уѣзда села Ширенги на помѣщика своего князя Артемія Шейдякова за разныя притѣсненія и насильства (св 15, № 2). Помѣщаемъ весь сохранившійся отрывокъ, многія мѣста котораго частью истлѣли, частью оторваны.

Выписано въ докладъ.

«Въ нынѣшнемъ во 132 году билъ челомъ государю царю и великому князю Михаилу Оедоровичю всея Русіи новокрещенъ князь Ортемей Шейдяковъ, чтобъ его государь пожаловалъ, велѣлъ его отпустить въ деревню въ Ярославской уѣздъ на время. И по государеву указу князь Ортемей отпущенъ былъ въ деревню на время.

И въ нынѣшнемъ же во 133-мъ году генваря въ 18 день били челомъ государю царю и великому князю Михаилу Оедоровичю всея Русіи на князь Ортемья Шейдякова крестьяне его Ярославского уѣзда села Ширенги староста Гришка Олферьевъ и во всѣхъ крестьянъ мѣсто, а сказали: въ нынѣшнемъ де во 133 году за недѣлю до Николина дня осенняго, пріѣхалъ

онъ князь Ортемій съ Москвы въ государево жалованье, а въ свое помѣстье въ село Ширенгу и учалъ де ихъ крестьянъ бить и мучить и сажать на ледникъ, невѣдомо за что, и къ себѣ учалъ призывать... (1) татаръ и съ ними пить и бражничать и некрещеныхъ татарокъ къ себѣ на постелю имать и на нихъ на крестьянѣхъ велѣлъ править тѣмъ татарамъ и татаркамъ на кормъ яловицы и бараны и гуси и куры и по его де велѣнью все на нихъ доправлено. Да на нихъ же де доправилъ на нынѣшней на 133 годъ оброчныя деньги по окладу сполна ... (2), а отписки имъ въ тѣхъ деньгахъ не далъ, и доправя де на нихъ свои оброчныя деньги, съѣхалъ отъ нихъ въ Ярославль, а съ собою де взялъ некрещеную татарку, а въ Ярославль пріѣхавъ, взялъ къ себѣ на постелю русскую женку Матренку бѣлошейку, которая прислана съ Москвы за воровство. И жилъ де онъ съ тѣми женками въ Ярославлѣ до Рождества Христова, а живучи де игралъ зернью и держалъ у себя веселыхъ безпрестани. И тѣ оброчныя деньги, что на нихъ доправилъ, и съ себя платье пропилъ и зернью проигралъ, а проигрався пріѣхалъ къ нимъ изъ Ярославля опять въ село въ Ширенгу и тѣхъ женокъ, татарку и бѣлошейку, привезъ съ собою и пріѣхавъ учалъ на нихъ править другихъ оброчныхъ денегъ немѣрнымъ правежемъ. И доправилъ де на нихъ сверхъ годоваго оброку пятьдесятъ рублевъ денегъ, сорокъ ведеръ вина, десять пудъ меду, да на него жъ де они сварили десять варъ пива. А что у него было лошадей, и тѣ роздалъ татарамъ, а у нихъ у крестьянъ, у которыхъ были нарочитыя лошади, и тѣ поималъ на себя, да изъ....же де выбралъ лучшихъ крестьянъ, держитъ у себя, сковавъ въ чѣпи и въ желѣзахъ, и правитъ на нихъ рублевъ по пяти и по шести и по десяти на человѣкѣ, а которые де молодшіе крестьяне, не стерпя его, князь Ортемьева, насилства и великихъ налоговъ, побрели къ Москвѣ государю бить челомъ въ его насилствѣ, и онъ де князь Ортемей посылаетъ безъ нихъ въ ихъ дворы кормовыхъ татаръ и велитъ женъ ихъ и дѣтей позорить, а животы ихъ емлетъ на себя, а иные печатаетъ, да онъ же де князь Ортемей отдалъ изъ того своего помѣстья прежней женѣ своей княгинѣ Оедорѣ двѣ деревни, а иныя роздалъ своимъ служилымъ татарамъ въ помѣстья и отъ того де..... (здѣсь докладъ прерывается; конецъ утраченъ).

Изъ другихъ бумагъ, находящихся въ томъ же дѣлѣ, видно, что жалобы крестьянъ во всемъ существенномъ подтвердились во время слѣдствія. Исходъ дѣла намъ неизвѣстенъ.

4. Въ дѣлахъ этого рода *сыскъ* или *выписка* составляла особую стадію производства. Вся процедура состояла въ слѣдующемъ: на оборотѣ челобитной вверху дьякъ дѣлалъ помѣту: «*такого-то года и числа выписать*». Ниже писался вопросъ, въ родѣ слѣдующаго: «а что Сытного дворца за сгарничими велѣно учинить подмосковного помѣстья?» За симъ: «*и въ государеву и царевъ и великого князя Михаила Оедоровича всея Русіи указъ за помѣтною дьяка Герасима Мартемьянова 132-го года за стряпчими велѣно учинить подмосковного помѣстья противъ царицына чину дѣтей боярскихъ съ дальнихъ ихъ окладовъ со 100 четей по 10 четей*». Далѣе идетъ вопросъ

(1) Въ подл. оторвано.
(2) Въ подл. сгнило.

объ окладѣ и справка изъ Большаго Дворца. Въ концѣ отмѣчается: «и у выписи (такой-то) подмосковного помѣстья за собою не сказалъ» (Въ Московскомъ Архивѣ Министр. Юст. отдѣл. 3-го общіе №№ 32665 и 32648).

5. Если бы кто собралъ побольше статистическихъ свѣдѣній о памятяхъ этого рода, то, безъ сомнѣнія, получились бы любопытные выводы касательно состоянія законовѣдѣнія въ Московскомъ государствѣ предъ изданіемъ Уложенія. Здѣсь мы перечислимъ только тѣ, которыя вошли въ составъ дополнительныхъ статей къ Судебнику, и прибавимъ нѣсколько еще неизданныхъ, случайно попавшихся намъ въ архивахъ. Съ этою цѣлью мы воспользуемся третьимъ выпускомъ Хрестоматіи проф. Владимірскаго-Буданова, гдѣ онѣ размѣщены по вѣдомствамъ.

А) *Казначеи.*

«1561 г. марта 14. Память казначеевъ къ митрополичимъ боярамъ и отвѣтъ этихъ послѣднихъ о силѣ духовныхъ завѣщаній, неподписанныхъ завѣщателями по неумѣнью грамотѣ или за внезапностью кончины» (стр. 43, № XVII).

Б) *Приказъ Холопьяго Суда.*

«1620 г. сент. 18. Память изъ Казачьяго приказа въ Холопій съ прописаніемъ указа ц. Михаила Ѳедоровича о томъ, имѣютъ-ли право бывшіе холопы, поступившіе въ казаки, по возвращеніи изъ казачества, давать кабалу кому либо другому помимо своихъ прежнихъ господъ» (стр. 117, № IV).

С) *Земскій приказъ.*

«1627 г. дек. 29. Память изъ Разбойнаго Приказа въ Земскій о томъ, кому принадлежатъ пойманныя «приводныя» лошади: находчику или казнѣ» (стр. 195, № IX).

1628 г. ноября. Память изъ Челобитнаго приказа въ Земскій, съ прописаніемъ указа 1626 г. марта 8 о томъ, дозволены-ли закономъ проценты (Стр. 196, № XII).

1642 г. нояб. 4. Память изъ Московскаго Суднаго приказа по вопросу о послѣдствіяхъ неявки къ суду (уже рѣшенному въ ст. XIII) (стр. 199, № XXXII).

1645 г. мая 18. Память изъ Казеннаго приказа въ Земскій о количествѣ безчестья людямъ суконной сотни (стр. 199, № XXXIX).

1647 г. іюня 8. Память изъ Разбойнаго приказа въ Земскій о томъ, что за убитаго крестьянина владѣльцу его выдается крестьянинъ-убійца или лучшій крестьянинъ той же вотчины (стр. 199—200, № XLIV).

Памяти изъ разныхъ приказовъ въ Помѣстный, присылавшія для возстановленія сгорѣвшей указной книги, сюда не относятся.

Д) *Устюжская Четверть.*

1627 г. ноября 20.

«Лѣта 7136 ноября въ 20 день по государеву... указу боярину князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому да діакамъ Семену Головину да Ивану Поздѣеву, велѣли имъ выписати изъ государева указу, которые крестьяне, съѣхався на дорогѣ и промежъ себя учинятъ бой и на томъ бою другъ

друга поколотъ рогатиною или ножомъ до смерти, а иные крестьяне, пьючи, у браги подерутся и другъ друга зарѣжетъ хмѣльнымъ дѣломъ ножемъ, а не умышленіемъ, и о тѣхъ убойцахъ что государевъ указъ, да тотъ государевъ указъ, выписавъ, велѣти прислати въ Устюжскую Четь къ діаку Михаилу Смывалову. *Дьякъ Михайло Смываловъ.*»

«И такова память послана на Земской дворъ, а *въ Разбойномъ приказѣ сказали нѣтъ*». (Арх. Иностр. Дѣлъ, приказныя дѣла св. 74 № 72).

Отвѣтъ Разбойнаго приказа крайне подозрителенъ. Въ уставной книгѣ Разбойнаго приказа записанъ боярскій приговоръ 17 февраля 1625 года именно по возбужденному вопросу, состоявшійся вслѣдствіе доклада тѣхъ самыхъ лицъ, къ которымъ обращена прописанная память (въ Христоматіи Владимірскаго Буданова выпускъ 3-й, стр. 74).

Е) *Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ.*

1639 г. апрѣля 20. По запросу этого приказа о правѣ выѣзжихъ нѣмцевъ на владѣніе вотчинами послѣдовалъ отвѣтъ изъ Посольскаго, что у него такого государева указа нѣтъ (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, приказныя дѣла св. 119 № 15).

Дѣятельность Сыскнаго приказа за время до Уложенія намъ очень мало извѣстна. Между тѣмъ, исторія этого учрежденія могла бы пролить новый свѣтъ какъ на возникновеніе памятника, такъ и на приведеніе его въ дѣйствіе. Припомнимъ, что начальникъ этого приказа, боярин кн. Юрій Долгорукій, предсѣдательствовалъ на соборѣ, созванномъ для утвержденія Уложенія. Краткое, но весьма цѣнное извѣстіе сохранилось у Олеарія, по словамъ котораго Сыскному приказу подвѣдомственны были «*всѣ дѣла новыя, еще не бывалыя, а потому и не могущія быть разрѣшены въ какомъ-нибудь изъ вышеупомянутыхъ приказовъ*» (всѣхъ приказовъ Олеарій насчитываетъ тридцать два, между которыми Сыскной занимаетъ у него послѣднее мѣсто; см. Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, кн. 5, извлеченіе г. Михайлова подъ заглавіемъ: «О состояніи Россіи въ XVII в.» стр. 31.) Отсюда ясно, что предѣлы вѣдомства этого приказа были крайне неустойчивы. Въ архивѣ Оружейной палаты сохранилась записная книга, содержащая разныя дѣла, производившіяся въ томъ же приказѣ, но доступъ въ архивъ затруднителенъ, вслѣдствіе чего намъ не удалось познакомиться съ упомянутою книгою, которая, вѣроятно, обогатила бы наличныя свѣдѣнія существеннымъ образомъ. Пока книга эта увидитъ свѣтъ печати, мы считаемъ не лишнимъ подѣлиться нѣкоторыми свѣдѣніями, почерпнутыми изъ архивовъ министерствъ Юстиціи и Иностранныхъ Дѣлъ. Они важны въ томъ отношеніи, что съ одной стороны подтверждаютъ догадку Неволина о тождествѣ названія: Приказа *Сыскныхъ* и *Приказныхъ* дѣлъ, а съ другой устанавливаютъ связь между Сыскнымъ приказомъ и Большимъ Дворцомъ.

Трудно сказать, основывалась-ли эта связь на подчиненіи одного приказа другому или на простомъ соединеніи двухъ независимыхъ другъ отъ друга учрежденій подъ управленіемъ однихъ и тѣхъ же лицъ. Во всякомъ случаѣ достойно примѣчанія, что въ записныхъ разрядныхъ книгахъ, составленныхъ до Уложенія, Сыскной приказъ не всегда помѣщается въ перечнѣ, которымъ неизмѣнно начинается каждая такая книга. Далѣе, подъ 1640 г. сент. 28 находимъ память въ Разрядъ изъ приказа *Сыскныхъ Полоняничныхъ Дѣлъ*, на-

чальниками котораго оказываются боярин кн. А. М. Львовъ, окольничій С. М. Проѣстевъ и дьяки Григорій Нечаевъ да Василій Прокофьевъ, т. е. тѣ самыя лица, которыя въ томъ же году сидѣли въ Приказѣ Большаго Дворца (см. ниже 1, а также указатель къ Актамъ Историческимъ подъ именами: «*Львовъ*» и «*Нечаевъ*»). По записной книгѣ 1647 видно, что посланные изъ Разряда въ Сыскной приказъ денежные списки и десятни *отданы подьячему во Дворецъ*. Наконецъ, боярин кн. Ю. А. Долгорукій, бывшій во время составленія Уложенія начальникомъ Сыскнаго приказа, числился тогда же дворецкимъ (Древняя Россійская Вивліоѳика, изд. 2, ч. XX.) Что же касается тождества двухъ названій приказа: «*Сыскныхъ*» и «*Приказныхъ*» Дѣлъ, то оно ясно открывается изъ приводимыхъ ниже выписокъ.

1. 149 году сентября въ 28 день По государеву... указу... память діакамъ думнымъ Ивану Гавреневу да Григорію Ларивонову. Велѣти отписать въ приказъ Сыскныхъ Полоняничныхъ Дѣлъ къ боярамъ ко князю Алексѣю Михайловичю Львову да къ окольничему къ Степану Матвѣевичю Проѣстеву да къ дьякамъ къ Григорію Нечаеву да къ Василію Прокофьеву, литвинъ Лаврика Ивановъ сынъ Каменской въ Смоленскую войну въ полонъ взятъ-ли и на Москвѣ въ тюрьмѣ сидѣлъ-ли и изъ тюрьмы столнику Василію Шереметеву выданъ-ли и, будетъ выданъ, и въ которомъ году и мѣсяцѣ и числѣ, и съ тѣхъ его роспросныхъ рѣчей списавъ списокъ слово въ слово прислати за дьячьею приписью для сыскнаго полоняничнаго дѣла. *Дьякъ Василей Прокофьевъ*».

2. Лѣта 7137 по государеву... указу къ боярину Оедору Ивановичю Шереметеву да къ дьяку Тихону Бормосову въ памяти въ Помѣстный Приказъ написано: велѣти-бъ прислать къ *приказнымъ дѣламъ* къ вамъ въ приказъ помѣстное дѣло Ивана Чюлкова...»

3. «Лѣта 7146 по государеву... указу память дьякамъ думному Михаилу Данилову да Ивану Переносову да Андрею Сгросву. Въ *Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ* къ боярину къ Оедору Ивановичю Шереметеву да къ дьяку къ Ѳедору Панову.. написано: велѣно прислать къ вамъ въ Помѣстный приказъ *помѣстное дѣло Ивана Васильева сына Чюлкова*....» (Моск. Архивъ Мин. Юстиц. отд. 3 общій № 32645).

4. «И въ памяти изъ *приказу Приказныхъ Дѣлъ* боярина Ѳедора Ивановича Шереметева за приписью дьяка Ивана Бредихина 138 году ноября въ 10 день написано... И въ Разрядѣ сыскано въ списку дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ, каковъ списокъ прислали въ Разрядъ изъ *Приказу Сыскныхъ Дѣлъ* бояре князь Иванъ Ивановичъ Шуйскій съ товарищи апрѣля въ 8 день 142 году и которые дворяне и дѣти боярскія были на государевѣ службѣ подъ Смоленскомъ до отходу Михаила Шеина... и въ томъ списку Елизаръ Матвѣевъ сынъ Пелюдейской на государевѣ службѣ подъ Смоленскомъ до отходу Михаила Шейна» (тамъ же прежній № 1 г. 143).

Замѣтимъ еще, что въ Дворцовыхъ Разрядахъ (т. II, столб. 596) боярин Шереметевъ значится также «*въ приказѣ, что на сильныхъ бьютъ челомъ, и у приказныхъ дѣлъ*» (1639 г.).

F) *Посольскій Приказъ.*

1640 г. февр. 21.

«Лѣта 7148 февраля въ 21 день по государеву... указу память дья-

камъ думному Ѳедору Лихачеву да Максиму Матюшкину (1) да Григорію Львову въ Володимірской Судной приказъ къ боярину къ Ивану Петровичю Шереметеву да ко князю Ивану Леонтьевичю Шаховскому да къ дьякомъ къ Тимоѳею Аѳѣеву да къ Первому Неронову. Въ памяти за твоею Григорьевою приписью написано: велѣти-бъ выписать изъ государева... указу. Которые люди закладываютъ вотчины свои родовыя или купленныя пусты и лѣсомъ большимъ поросли, а въ закладныхъ пишутъ: какъ они тѣ вотчины просрочатъ, у кого заложены, тѣ закладныя имъ и купчія въ прокъ безъ выкупа; а кто будетъ роду ихъ тѣ вотчины похотятъ выкупати, и за тѣ вотчины имъ дать деньги по закладнымъ, а вотчинное строенье по ихъ сказкамъ, а что крестьянъ посадятъ, и тѣхъ крестьянъ имъ свести въ иныя свои помѣстья и вотчины, и тѣхъ людей, которые тѣ вотчины заложили, родство бьютъ челомъ государю изъ тѣхъ вотчинъ на выкупъ не о всѣхъ, выборомъ, которыя вотчины построены, а объ иныхъ вотчинахъ, которыя заложены у тѣхъ же людей, на выкупъ не бьютъ челомъ, а сказываютъ, что имъ нынѣ выкупить мочи нѣтъ, а о выкупѣ учнутъ бить челомъ впередъ; а тѣ люди, у которыхъ тѣ вотчины заложены, бьютъ челомъ государю, что они, проча себѣ и дѣтемъ своимъ, тѣ вотчины строили много лѣтъ, лѣсъ большой разчищали и пашню распахали и сѣнные покосы раскосили и крестьянъ посажали, а тѣхъ людей родства въ тѣ годы челобитья на нихъ о тѣхъ вотчинахъ о выкупѣ не бывало, а учали бить челомъ нынѣ какъ они тѣ вотчины учинили жилы: и о такихъ вотчинахъ что государевъ указъ? родству на выкупъ давать велѣно-ль, и будетъ велѣно, и какъ тѣ вотчины указано на выкупъ давать—по закладнымъ-ли или по четвертямъ, и о строеньѣ въ государевѣ указѣ какъ написано? Да та выпись велѣть прислать къ вамъ въ Посольской приказъ. И въ Володимірскомъ Судномъ приказѣ о такихъ вотчинахъ, по закладнымъ-ли, или по четвертямъ и за строенье на выкупъ давать, такого государева указу не сыскано. *Тимоѳей Аѳѣевъ.*» (Моск. Архивъ Иностр. Дѣлъ, приказн. дѣла св. 138 № 820).

Вопросъ, возбужденный этою памятью, рѣшенъ законодательнымъ порядкомъ лишь въ августѣ 1646 г. (см. указную книгу Помѣстнаго приказа въ 3-мъ выпускѣ Христоматіи Владимірскаго-Буданова, стр. 259 и 260).

G) *Разрядъ.*

Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, между столбцами Сибирскаго приказа (общій № 6113, частный № 69), въ дѣлѣ Ларки Верхолама, обвинявшагося въ оскорбленіи жены монастырскаго служки Ульяны (1644 г.), сохранилась справка, доставленная Разрядному приказу изъ Большаго Дворца о размѣрѣ безчестья, назначеннаго приказнымъ людямъ духовнаго вѣдомства. Эта справка убѣждаетъ въ томъ, что при изданіи Уложенія размѣръ безчестья этимъ лицамъ сильно пониженъ, и потому не лишена значенія въ смыслѣ разъясненія неудовольствія, возбужденнаго Уложеніемъ въ средѣ духовенства. Въ статьяхъ Уложенія о безчестіи находятся и другія указанія на нерасположеніе къ духовенству. Такова особенно ст. 84 гл. X о безпощадномъ правежѣ безчестья съ обидчиковъ, принадлежащихъ къ ду-

(1) Въ подлинникѣ ошибочно: *Матюшку.*

ховному званію. Патріархъ Никонъ видѣлъ въ этомъ постановленіи угрозу для пастырей, изобличающихъ всякое нечестіе (Записки Отдѣленія Славянской и Русской Археологіи т. II, стр. 448 и 449). Приводимъ эту выписку, къ которой присоединяемъ ссылки на подлежащія статьи Уложенія.

«А по справкѣ въ Большомъ Дворцѣ монастырскимъ стряпчимъ и слугамъ указываютъ безчестья: патріархову стряпчему—70 руб. (Улож. гл. X ст. 95 о стряпчихъ вовсе не упоминаетъ, дьякамъ назначено безчестье — по окладу, дѣтямъ боярскимъ—*15 руб.*; затѣмъ идутъ еще меньшія количества); митрополита Ростовскаго и Троицы Сергіева монастыря стряпчимъ по 50 руб. (Улож. гл. X, ст. 95 и 96 упоминаетъ только о стряпчихъ Троицкой Лавры, которымъ полагается безчестья *15 руб.*), а иныхъ епископскихъ монастырей стряпчимъ по 30 руб. (по гл. X, ст. 96 стряпчимъ монастырей: Рождественскаго во Владимірѣ, Чудова, Спаса Новаго, Юрьева Новгородскаго и Симонова—по *10 руб.*); рядовымъ монастырскимъ служкамъ по 5 руб.» (по Уложенію лица эти различаются по статьямъ, и самый высшій размѣръ безчестья— *4 руб.*).

6. *Отписка устюжно-желѣзопольскаго воеводы Тимовея Крапоткина въ Устюжскую Четверть 1628 г. между маемъ и сентябремъ.* Государю царю и великому князю Михайлу Ѳедоровичю всея Русіи холопъ твой Тимошка Крапоткинъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 135-мъ году апрѣля въ 27 день писалъ, государь, я холопъ твой къ тебѣ, ко государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всея Русіи съ нищикаремъ съ Петрушкою Остафьевымъ о томъ, что по твоему государеву указу и по наказу за приписью твоего государева дьяка Михайла Смыкалова велѣно мнѣ холопу твоему быть на твоей государевѣ службѣ на Устюжнѣ Желѣзопольской воеводою и устюженцевъ посадскихъ людей ото всякихъ сторонихъ людей, отъ обидъ и отъ насильствъ ото всякихъ, и отъ продажъ оберегати. И привозятъ, государь, на Устюжну дворяне и дѣти боярскіе по устюжскихъ посадскихъ людей изъ разныхъ приказовъ твои государевы грамоты и изъ Холопья приказу въ холопствѣ и въ холопьихъ подговорѣхъ и въ *крестьянствѣ* [1] и въ крестьянскихъ животахъ и въ сносѣхъ и въ займѣхъ. И устюжскимъ, государь, посадскимъ людемъ оттого чинятся убытки и продажа, а откупаясь отъ истцовъ для волокиты [2] животишка свои и дворы избываютъ, а хотятъ брести розно отъ тѣхъ продажъ. И мнѣ холопу твоему беречь отъ тѣхъ волокитъ и продажъ [3] пелзѣ, потому что приносятъ ко мнѣ, холопу твоему, въ тѣхъ дѣлѣхъ дворяне и дѣти боярскіе челобитныя въ холопствѣ и въ крестьянствѣ и въ сносѣхъ и въ поклажеехъ челобитныя о судѣ, и я, холопъ твой, судить ихъ не смѣю, потому что твоего государева указу о томъ мнѣ, холопу твоему, нѣтъ. И для, государь, того посадскимъ людемъ продажа и волокита къ Москвѣ. Да ко мнѣ же, холопу твоему, устюжскіе посадскіе люди приносятъ челобитныя другъ на друга въ боехъ и грабежехъ и въ татьбахъ безъ количнаго о судѣ и о сыску, и въ тѣхъ дѣлѣхъ судити-ли или сыскивати, того мнѣ, холопу твоему, не указано; а въ твоемъ государевомъ наказѣ написано: чтобы отнюдь въ Устюжнѣ и въ Устюжскомъ

---

(1) Въ подлинникѣ слово: «*крестьянствѣ*» написано вдвойнѣ.
(2) Въ подлинникѣ всюду пишется: *волокида*.
(3) Въ подлинникѣ по ошибкѣ написано: *продажа*.

уѣздѣ никакого воровства не было, а судомъ-ли судить или сыскивать и про то и твои государевы пошлины съ тѣхъ дѣлъ имать-ли или нѣтъ, того имянно не написано, и въ томъ, государь, промежъ посадскихъ людей смутно, и по той, государь, отпискѣ пушкарь Петрушка твоего государева указу мнѣ, холопу твоему, не принесъ. И о томъ, государь, о всемъ мнѣ, холопу твоему, какъ укажешь? (Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, приказныя дѣла св. 74 № 72).

7. *Указъ царя Михаила Ѳедоровича и патріарха Филарета Никитича 19 ноября 1626 года о недачѣ суда гостинной сотни торговому человѣку Андрею Безсонову ни на кого безъ крѣпостей.* Лѣта 7135 августа въ 17 день. По государеву цареву и великого князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи указу память дьякомъ думному Ефиму Телепневу да Максиму Матюшкину. Въ нынѣшнемъ во 135 г. ноября въ 19 день указалъ государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всея Русіи и отецъ его государевъ великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Русіи: гостинной сотни торговому человѣку Андрею Афанасьеву Безсонову суда ни на кого на московскихъ и на пріѣзжихъ на великихъ людей давати ни въ чемъ не велѣли, потому что тотъ Андрей ко многимъ къ Московскимъ и къ пріѣзжимъ ко всякимъ людямъ приставливаетъ напрасно безъ крѣпостей въ большихъ искѣхъ рублевъ въ двусотъ и во стѣ, а возьметъ только рубли два или рубль или полтину и тѣмъ онъ многихъ людей продаетъ и убытчитъ напрасно воровски, и по государеву указу дьякомъ думному Ефиму Телепневу да Максиму Митюшкину гостинныя сотни торговому человѣку Андрею Безсонову суда ни въ чемъ ни на кого на московскихъ и на пріѣзжихъ на великихъ людей, опричь крѣпостей, давати не велѣли. *Діакъ Василей Волковъ.* (Моск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, приказныя дѣла св. 58 № 32). Ср. *Опсарія* въ Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній 1859 г. кн. 3, стр. 28, *Фойницкаго* «Мошенничество по русскому праву», стр. 9—11; указъ 1635 г. іюля 7, коимъ вообще воспрещено давать судъ въ займахъ, судахъ и поклажахъ безъ крѣпостей (въ Христоматіи Владимірскаго Буданова, вып. 3, стр. 155 и 156); Уложеніе гл. X, ст. 186—189.

8. Составленіе Уложенія поручено было царемъ пяти лицамъ: во главѣ дѣла стоялъ ближній боярин кн. Никита Ивановичъ Одоевскій; товарищами его назначены боярин Семенъ Васильевичъ Прозоровскій, окольничій Осдоръ Осдоровичъ Волконскій да дьяки Гаврило Леонтьевъ и Осдоръ Грибоѣдовъ. До настоящаго времени не открыто никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ о степени участія каждаго изъ названныхъ лицъ въ общемъ трудѣ. Тѣмъ не менѣе, наслѣдователи Уложенія позволяли себѣ во временамъ высказывать по этому поводу весьма рѣшительныя сужденія. Такъ, Полевой выразился, что бояре только сидѣли да толковали, дѣлали же все дьяки (Московскій Телеграфъ 1831 г., № 14, стр. 275). Напротивъ того, Строевъ, принимая во вниманіе лестный отзывъ неизвѣстнаго иностранца о характерѣ и образованіи князя Одоевскаго и возведеніе Волконскаго въ санъ боярина будто бы за трудъ его по Уложенію (1), считалъ обвиненіе бояръ въ бездѣйствіи неосновательно-

(1) Строевъ въ данномъ случаѣ, должно быть, положился на увѣреніе самого Полеваго, будто Волконскій пожалованъ въ бояре за участіе его въ составленіи Уложенія (Московскій Телеграфъ 1831 г. № 14, стр. 275). Это увѣреніе ни на чемъ не осно-

нымъ (Историко-юридическое изслѣдованіе объ Уложеніи, прим. 20, стр. 123). Профессоръ Владимірскій-Будановъ родовитыхъ членовъ коммиссіи называетъ *почетными* и такимъ образомъ примыкаетъ къ Полевому (Сборникъ государственныхъ знаній т. IV въ статьѣ: «Отношенія между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича); проф. же Загоскинъ признастъ Одоевскаго *Сперанскимъ XVII в.* (Исторія права Московскаго государства, выпускъ 1-й, стр. 77). Мы думаемъ, что при настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній о составителяхъ Уложенія рано еще высказывать какіе бы то ни было рѣшительные приговоры и что вопросъ о заслугахъ каждаго изъ нихъ можетъ быть выясненъ только обстоятельнымъ изслѣдованіемъ ихъ жизни и дѣятельности. Кто вздумалъ бы заняться подобнымъ изслѣдованіемъ, тому врядъ-ли пришлось бы жаловаться на недостатокъ матерьяловъ. Творцы Уложенія подвизались на разнообразныхъ поприщахъ: военномъ, приказномъ, посольскомъ и даже литературномъ. Слѣды ихъ дѣятельности разсѣяны по архивамъ разныхъ вѣдомствъ, находящимся въ Москвѣ и Петербургѣ, равно какъ по общественнымъ и частнымъ библіотекамъ. Потомки этихъ дѣятелей, надо надѣяться, также располагаютъ въ своихъ семейныхъ архивахъ болѣе или менѣе важными свѣдѣніями, могущими пролить новый свѣтъ на образъ мыслей и дѣйствій ихъ предковъ. Не имѣя подъ руками всѣхъ нужныхъ матерьяловъ для составленія удовлетворительнаго очерка жизни редакторовъ Уложенія, я считаю не безполезнымъ указать важнѣйшіе источники, откуда можно почерпать свѣдѣнія для исполненія этой задачи. Въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ находятся *статейные списки* разныхъ посольствъ, въ которыхъ участвовали составители Уложенія. Пріисканіе этихъ матерьяловъ не представляетъ никакого труда, такъ какъ въ Архивѣ существуетъ *реестръ именамъ*, составленный еще въ концѣ прошлаго столѣтія Малиновскимъ. Нѣкоторые *статейные списки* были у меня въ рукахъ; но значительный ихъ объемъ и краткость моего пребыванія въ Москвѣ помѣшали мнѣ сдѣлать изъ нихъ обстоятельныя извлеченія, такъ какъ я преимущественно занятъ былъ разысканіемъ источниковъ судныхъ главъ по такъ называемымъ *приказнымъ дѣламъ*. По отрывочнымъ выпискамъ, сдѣланнымъ мною изъ одного статейнаго списка, можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о способѣ веденія дипломатическихъ переговоровъ кн. Одоевскимъ и Прозоровскимъ, равно какъ о литературномъ образованіи, которымъ располагало *посольство*. Говорю *посольство*, потому что въ этомъ, какъ и вообще во всѣхъ статейныхъ спискахъ, личныя способности и познанія каждаго изъ полномочныхъ пословъ въ отдѣльности совершенно стираются; лишь изрѣдка встрѣчается какое-нибудь замѣчаніе, приписываемое опредѣленному лицу. Такой сборный, безличный характеръ статейныхъ списковъ служитъ важною помѣхою къ точной оцѣнкѣ заслугъ каждаго уполномоченнаго. Извѣстно при томъ, что, по обычаямъ Московскаго двора, починъ и самодѣятельность пословъ не па-

---

вано: Волконскій достигъ боярства 21 декабря 1650 г., т. е. два года послѣ составленія Уложенія (Дворцовые разряды III, столб. 218), неизвѣстно за какія заслуги. Ближайшая по времени служба его по усмиренію псковичей едва ли заслуживала награды; князь Хованскій и сослуживцы его, участвовавшіе въ Псковскомъ походѣ, награждены 1 октября 1650 г., и въ числѣ ихъ нѣтъ Волконскаго (Дворцовые Разряды III, столб. 194).

ходили себѣ поощренія (Русское посольство въ Польшѣ въ 1673—1677 гг. А. Попова, стр. 247 и 248). Русскіе послы и, между прочимъ, дьякъ Леонтьевъ (составитель Уложенія) гордились именно тѣмъ, что они *и самаго малаго дѣла безъ наказа государева дѣлать не смѣютъ* (Исторія Россіи Соловьева, т. X, стр. 269). Такимъ образомъ, одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для изображенія умственнаго и нравственнаго облика дѣятелей XVII в. требуетъ со стороны историка весьма тонкаго анализа, безъ котораго личныя достоинства ихъ не могутъ выступать съ желательною выпуклостью. Въ этомъ отношеніи значительное преимущество имѣютъ судебныя и правительственныя дѣла тѣхъ приказовъ, въ которыхъ составители Уложенія служили кто начальниками, кто дьяками. Въ печатныхъ источникахъ содержится не мало указаній на движеніе ихъ по службѣ, на ихъ мѣстническіе счеты и внѣшнюю обстановку ихъ домашней и особенно придворной жизни. Таковы Акты Археографическихъ экспедицій и коммиссій, Дворцовые Разряды, Книги Разрядныя, Выходы царей и т. п. Что касается Древней Россійской Библіотеки и особенно XX ея части, гдѣ помѣщена извѣстная статья о старинныхъ Московскихъ приказахъ, то хотя, по замѣчанію г. Загоскина (Столы Разряднаго Приказа стр. 8), она и составлена по записнымъ разряднымъ книгамъ, тѣмъ не менѣе, судя по нѣкоторымъ примѣрамъ, ею должно пользоваться осторожно (см. Градовскаго «Исторію мѣстнаго управленія», т. 1, стр. 223 и священника М. Горчакова «О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. Сунода», стр. 348). Тѣ изъ подлинныхъ записныхъ разрядныхъ книгъ, которыя нынѣ хранятся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи, безъ сомнѣнія, могутъ доставить существенныя дополненія и исправленія. Собраніе этихъ сухихъ и на первый взглядъ малозначительныхъ свѣдѣній составляетъ первое условіе успѣшнаго выполненія задачи. Безъ этихъ свѣдѣній нельзя опредѣлить напередъ ни объема предстоящаго изслѣдованія, ни мѣстонахожденія нужныхъ дѣлъ и бумагъ. Нельзя также пропустить безъ вниманія и тѣ, хотя немногія, печатныя свѣдѣнія, которыя служатъ къ уясненію нравственнаго и умственнаго развитія составителей Уложенія. Таковы письма царя Алексѣя Михайловича къ боярамъ кн. Н. И. Одоевскому и Ю. А. Долгорукому (см. «Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича», изданное П. Бартеневымъ въ Москвѣ въ 1856 г.; здѣсь, кромѣ писемъ, находятся и краткія свѣдѣнія о лицахъ, къ которымъ они обращены, также филологическія и историческія примѣчанія; ср. Исторію Россіи Соловьева, т. XII, стр. 350 и Записки Отдѣленія Славянской и Русской Археологіи т. II). Отвѣтныя письма Одоевскаго, напечатанныя въ Москвитянинѣ за 1851 г. № 14, даютъ намъ понятіе о начитанности ихъ автора и любопытны по взгляду на пережитыя имъ событія смутнаго періода и времени первыхъ строителей земли изъ дома Романовыхъ. Они же являются прекраснымъ образцомъ эпистолярнаго слога того времени. Объ Одоевскомъ сохранилось еще два противоположныхъ отзыва: одинъ неодобрительный — патріарха Никона (см. цитированныя выше «Записки» въ статьѣ «Мнѣніе патріарха Никона объ Уложеніи», стр. 426 и слѣд. и рукописное сочиненіе Ундольскаго, хранящееся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеѣ, по каталогу № У. 1394, подъ заглавіемъ: «Отзывъ патріарха Никона объ Уложеніи»); другой очень лестный отзывъ оставленъ намъ неизвѣстнымъ иностранцемъ (переведенъ съ латинскаго и напечатанъ въ Сѣвер-

номъ Архивѣ за 1825 г. ч. 17) (1). У Никона же находимъ краткій отзывъ и объ остальныхъ редакторахъ Уложенія. Прозоровскій и Волконскій изображены у него людьми простыми, т. е. недалекими и малосвѣдущими; наименованіе же дьяковъ *дневными разбойниками* относится не столько къ даннымъ личностямъ, сколько ко всему дьячьему чину. Въ частности, Никонъ въ бытность свою новгородскимъ митрополитомъ оставилъ намъ извѣстіе о смерти дьяка Гавріила Леонтьева, утонувшаго въ Бѣломъ морѣ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ (Письма русскихъ государей, т. 1, № 382).

Въ заключеніе сообщимъ нѣсколько данныхъ о жизни каждаго изъ составителей Уложенія. Признаюсь, что болѣе всего я обращалъ вниманіе на свѣдѣнія, относящіяся къ главному редактору; что же до остальныхъ, то я далеко не записалъ всего, что мнѣ встрѣчалось въ печатныхъ источникахъ. Да и о главномъ дѣятелѣ я сообщу здѣсь лишь свѣдѣнія о его приказной службѣ, не касаясь военныхъ и дипломатическихъ его дѣйствій.

Родъ Одоевскихъ происходилъ отъ князей Черниговскихъ. Одоевскіе, подобно нѣкоторымъ другимъ первостепеннымъ фамиліямъ, обыкновенно жалуемы были боярскимъ чиномъ прямо изъ стольниковъ, минуя чинъ окольничаго (Соловьевъ въ Исторіи Россіи, т. XII, стр. 349). Князь Никита состоялъ въ чинѣ стольника до 12 января 1640, когда онъ возведенъ въ санъ боярскій (Дворцовые Разряды, II, столб. 622). Въ томъ же году онъ назначенъ воеводою въ Астрахань, гдѣ пробылъ до 1643 г. (тамъ же, столб. 639 и 662). По возвращеніи въ Москву, царь наградилъ его за службу шубою изъ атласа золотнаго, кубкомъ и придачею къ прежнему окладу. Въ 1644—1646 гг. завѣдывалъ Сибирскимъ приказомъ (А. И. IV, стр. 20, 22, 35, 37; ср. Древ. Росс. Вив. ч. XX, изд. 2, стр. 395). Съ 1651-го по 1653 годъ былъ воеводою казанскимъ. Къ этому времени относится переписка его съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ 1668 году управлялъ приказами Большой казны, Рейтарскимъ и Иноземскимъ (Дворцовые Разряды III, столб. 838 и 839). Въ Большой Казнѣ служилъ онъ и въ 1670 г. (Доп. къ Акт. Ист. VI, стр. 32). Аптекарскій приказъ состоялъ подъ его управленіемъ въ 1678, 1680 и 1682 гг. (Доп. къ Акт. Ист. VIII, стр. 21 и 23; X, стр 181; ср. Древ. Росс. Вивл. ч. XX). Въ 1680 г. видимъ его и во главѣ Судная приказа (Доп. къ Акт. Ист. VIII, стр. 343). Указомъ 9 мая 1681 г. велѣно ему состоять у расправныхъ дѣлъ въ Золотой палатѣ (Дворцовые Разряды IV, столб. 187; П. С. З., т. II, № 885). Скончался въ 1689 г. (Древн. Росс. Вив. ч. XX, стр. 178) (2).

---

(1) Намъ кажется, что отношенія Никона къ Одоевскому ждутъ еще безпристрастной критики. При всей страстности и невоздержности выраженій, которыми отличается отзывъ Никона, всѣ нападки держатся на подкладкѣ религіозныхъ и общественныхъ взглядовъ, а отнюдь не личной вражды. Поэтому, похваля иностранца не ручается еще за то, что и русское общество также относилось къ ближнему боярину. Во всемъ «*Возраженіи*» нельзя найти никакихъ указаній на какіе-нибудь безнравственные поступки врага въ частной жизни.

(2) Годъ его рожденія неизвѣстенъ; кн. П. Долгорукій, не указывая источниковъ, утверждаетъ, что онъ достигъ чуть-ли не 90-лѣтняго возраста (Россійская родословная книга ч. I, стр. 58). Обходя молчаніемъ всѣ внѣшнія событія его жизни, не можемъ не замѣтить, что царь Алексѣй Михайловичъ довѣрялъ ему самыя щекотливыя дѣла. Кромѣ участія въ дѣлѣ Никона, царь поручилъ ему вмѣстѣ съ Арт. Серг. Мат-

Князь Семенъ Васильевичъ Прозоровскій, въ чинѣ стольника, былъ путивльскимъ воеводою въ 1629 и 1630 гг. (Дворцовые Разряды II, столб. 88 и 164). Марта 30-го 1630 года произведенъ въ окольничіе (тамъ-же, столб. 129). Въ 1638 г. посланъ воеводою въ Веневъ (тамъ же, столб. 568); въ слѣдующемъ году стоялъ во главѣ Московскаго Суднаго приказа (тамъ же, ст. 595). 1645 г. августа 15 пожалованъ въ бояре. Въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ годъ его кончины показанъ 7168, т. е. 1660 (ч. XX, изд. 2-е, стр. 114), между тѣмъ изъ достовѣрныхъ актовъ видно, что онъ живъ былъ еще въ концѣ 70-хъ годовъ столѣтія (Указатель къ первымъ десяти томамъ дополн. къ акт. истор., стр. 116).

Стольникъ князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волконскій въ 1629 г. занималъ должность воеводы въ Ливнахъ (Дворцовые Разряды II, 89). 8-го іюля 1634 года онъ возведенъ въ чинъ окольничаго за службу въ Бѣлой (тамъ же, столб. 382); сверхъ того награжденъ былъ шубою изъ атласа золотнаго, кубкомъ, прибавкою денежнаго жалованья и вотчинною землею 700 четвертей (тамъ же, ст. 383). Въ 1634, 1635, 1638 и 1639 гг. служилъ въ товарищахъ по Челобитному приказу (тамъ же, столб. 394, 480, 538 и 595). Апрѣля 7-го 1643 года посланъ товарищемъ воеводы въ Астрахань, гдѣ и оставался до 1646 г. (Дворцовые Разряды II, 740; А. И. IV, стр. 84, также стр. 15—18, 38, 46 и 48). Въ 1649 г. (не извѣстно съ котораго числа) до 31 декабря былъ воеводою въ Олонцѣ (Доп. къ А. И. III, № 67; Дворцовые Разряды т. III, столб. 130 и 131). 21 дек. 1650 г. пожалованъ въ бояре. Въ 1663 г. былъ воеводою Уфимскимъ (Доп. къ Акт. Ист. IV, № 153, стр. 411). Скончался $\frac{7173}{1664—1665}$ г. (Древ. Рос. Вив. XX, стр. 117; Росс. Родосл. книга князя Петра Долгорукова, ч. I, стр. 251, ср. также Доп. къ Акт. Истор. т. X, № 17, стр. 49, столб. 2).

Въ связи съ дѣятельностью родовитыхъ членовъ законодательной коммиссіи необходимо разсматривать и участіе боярина кн. Ю. А. Долгорукова, предсѣдательствовавшаго въ отвѣтной палатѣ при чтеніи Уложенія выборнымъ людямъ. Говоря о значеніи земскаго собора, мы уже имѣли случай указать время пожалованія его боярствомъ; при этомъ нелишне, быть можетъ, повторить, что послѣднія шесть строкъ предисловія къ Уложенію, сообщающія именно о сидѣніи Долгорукаго въ отвѣтной палатѣ, вписаны уже послѣ того, какъ изготовленъ былъ Уложенный столбецъ (см. отчетъ о поѣздкѣ въ Москву во 2-й книгѣ „Сборника Археологическаго Института“, стр. 19).

вѣевымъ и дьякомъ тайныхъ дѣлъ Иваномъ, прозвищемъ Даниломъ, разслѣдованіе по дѣлу воспитателя царевича Ѳедора Алексѣевича Ѳ. Ѳ. Куракина, который держалъ у себя *«вѣдомую вориху дѣвку Ѳенку слѣпую и ворожею»*. Это было 30 мая 1675 г. (Дворц. Разр. III, столб. 1428 и 1429). Несчастная умерла отъ пытки (тамъ-же, столб. 1444). Замѣчателенъ также случай, бывшій съ Одоевскимъ 14 іюня 1675 г. Вотъ какъ записанъ этотъ случай въ Дворцовыхъ Разрядахъ: «И того числа ѣхалъ бояринъ Никита Ивановичь Одоевскій изъ подмосковной своей вотчины изъ села Выхина, и его на дорогѣ самого оглушило и во всемъ раздробило, да у него-жъ дву ребятъ верховыхъ, которые съ нимъ сидѣли въ каретѣ, оглушило-жъ и привезли къ Москвѣ чуть живыхъ и нынѣ лежатъ при смерти. Да у него-жъ боярина убило дву человѣкъ служивыхъ людей до смерти, а человѣкъ съ десять оглушило-жъ и молніей обожгло, да у него-жъ боярина убило громомъ въ каретѣ дву возниковъ до смерти» (т. III, столб. 1464).

Дьякъ Гавріло Леонтьевъ въ концѣ 20-хъ и первой половинѣ 30-хъ годовъ XVII ст. служилъ въ Патріаршемъ дворѣ (Дворцовые Разряды, II, столб. 15, 164, 238, 289 и 330; гг. 1628, 1630, 1631, 1632 и 1633). Подъ двумя послѣдними годами прямо показано, что онъ состоялъ у духовныхъ дѣлъ. Это даетъ основаніе приписывать ему составленіе первой главы Уложенія; невольно также является предположеніе, что онъ преимущественно предъ другими занимался извлеченіями и переводами изъ Кормчей. Въ 1639 г. находимъ его въ Стрѣлецкомъ приказѣ (тамъ же, столб. 596). Въ 1643 г. онъ вмѣстѣ съ Волконскимъ отправился въ Астрахань и служилъ тамъ до восшествія на престолъ царя Алексѣя Михайловича (тамъ же, столб. 699, А. И. IV, стр. 74, 15, 16, 18, 162). Скончался 16 мая 1652 г. (Письма Русскихъ Государей, т. I, №: 382).

Дьякъ Оедоръ Грибоѣдовъ, по словамъ О. Булгарина (ничѣмъ, впрочемъ, не подкрѣпленнымъ) — предокъ знаменитаго нашего поэта А. С. Грибоѣдова (Сочиненія О. Булгарина. Спб. 1830 г., ч. 12, стр. 170); но тотъ же авторъ утверждаетъ, что дворянскій гербъ поэта свидѣтельствуетъ о его польскомъ происхожденіи изъ фамиліи Грибовскихъ, переселившейся въ Россію, *кажется*, въ началѣ царствованія Романовыхъ. Все это требуетъ повѣрки. Тотъ же Булгаринъ пустилъ было въ ходъ предположеніе, что Оедоръ Грибоѣдовъ былъ нарочно вызванъ для составленія Уложенія, какъ опытный законовѣдъ. Конечно, если бы это оправдалось, то мы нашли бы готовое объясненіе, почему въ Уложеніе попало такъ много статей изъ Литовскаго Статута; но обнаруженные впослѣдствіи факты и нѣкоторыя общія соображенія опровергаютъ предположеніе Булгарина самымъ рѣшительнымъ образомъ. Прежде всего невѣроятно, чтобы царь рѣшился выписать законника изъ чужихъ земель, особенно при тѣхъ обстоятельствахъ, какими вызвано было Уложеніе 1649 г. Далѣе, уже Полевому удалось открыть документъ, на которомъ стоитъ справа подьячаго Казанскаго дворца Оедьки Грибоѣдова (см. грамоту въ Курмишъ 1639 г., напечатанную въ Московскомъ Телеграфѣ 1831 г. № 14, стр. 275, отдѣлъ: «Матеріалы для русскаго правовѣдѣнія»). Изъ боярской книги, хранящейся въ Моск. Арх. Мин. Юстиціи подъ № 4, видно, что Оедоръ Грибоѣдовъ произведенъ изъ подьячихъ въ дьяки въ іюнѣ 1648 г. Гдѣ служилъ онъ въ это время, опредѣлительно сказать не берусь; но въ теченіе 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ онъ состоялъ въ томъ же Казанскомъ Приказѣ (А. И. IV, стр. 140, 178, 204, 212, 239, 277, 278, 280, 282, 284, 286, 292, 304 и 505: гг. 1650, 1652, 1654, 1655, 1658, 1659, 1660, 1661 и 1675). Съ 1665 по 1669 служилъ въ Разрядѣ (Доп. къ Акт. Ист. V, стр. 23, 76, 78, 79, 85, 87, 225, 343 и 414) (1). Къ послѣднему году

(1) Вотъ, выражаясь нынѣшнимъ языкомъ, его послужной списокъ, записанный въ боярскія книги №№ 5 и 6 (находящіяся, какъ сказано, въ Московскомъ Архивѣ Мин. Юстиціи):

«Оедоръ Грибоѣдовъ въ боярской книгѣ 155 года: окладъ помѣстный 600 чети, денегъ 70 (руб.). Ему же за конотопскую службу и за черкасской походъ 167 и нынѣшняго 168 г., что онъ на той службѣ былъ съ боярномъ и воеводами со княземъ Александромъ Никитичемъ Трубецкимъ съ товарыщи для полковыхъ дѣлъ и съ черкасы на радѣ для договору, придачи 150 четей и денегъ 20 рублевъ. И 174 г. апрѣля въ 4 числѣ, по памяти на выпискѣ думнаго дьяка Дементья Башмакова, учиненъ ему помѣстный окладъ и съ прежнимъ для его пригожія и многіе работы: помѣстныя 850 (чет.), денегъ 100 рублевъ» (боярская книга № 5).

относится его историческій трудъ, составленный по именному указу царя Алексѣя Михайловича (1). Въ боярской книгѣ трудъ этотъ названъ *степенною книгою* рода Романовыхъ; между тѣмъ, насколько извѣстно изъ Востоковскаго описанія Румянцовскихъ рукописей, главный трудъ его носитъ названіе *Исторіи*, при которой въ нѣкоторыхъ спискахъ встрѣчается еще и родословная черниговскихъ князей. Любопытно, поэтому, узнать, была-ли упоминаемая въ боярской книгѣ *степенная* особымъ сочиненіемъ (2). Краткій отзывъ о его «*Исторіи*» находимъ у Соловьева въ XIII томѣ Исторіи Россіи.

Въ связи съ дѣятельностью дьяковъ Леонтьева и Грибоѣдова необходимо изслѣдовать участіе въ работахъ по Уложенію, по крайней мѣрѣ, трехъ думныхъ дьяковъ, скрѣпившихъ его по склейкамъ, наравнѣ съ первыми. Изъ нихъ Иванъ Гавреневъ служилъ въ Разрядномъ приказѣ; Михайло Волошениновъ, насколько можно прослѣдить по Дворцовымъ Разрядамъ, служилъ тамъ же до второй половины мая 1648 г. (II, столб. 92), но въ августѣ находимъ его уже въ Посольскомъ приказѣ, куда онъ, вѣроятно, былъ переведенъ вслѣдствіе майскихъ событій, вызвавшихъ разныя перемѣщенія въ высшей администраціи. Наконецъ, Осдоръ Елизаровъ или Елизарьевъ завѣдывалъ Помѣстнымъ приказомъ.

9. *Вѣдомость о числѣ выборныхъ отъ разныхъ городовъ, посадовъ, тяглыхъ сотенъ и слободъ, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ.*

Въ основаніе настоящей вѣдомости положены подписи выборныхъ людей на подлинномъ Уложенномъ столбцѣ, впервые списанныя Миллеромъ или, быть можетъ, кѣмъ-нибудь другимъ по его порученію для Императрицы Екатерины II и въ прошломъ году вновь списанныя товарищемъ моимъ по Институту П. Е. Ваденюкомъ. Въ отчетѣ нашемъ о поѣздкѣ въ Москву мы уже имѣли случай заявить, что многія подписи неразборчивы, вслѣдствіе чего трудно поручиться за правильность ихъ чтенія, а слѣдовательно и списыванія. Поэтому всѣ сомнительные случаи, а равно явныя погрѣшности Миллеровскаго списка оговорены нами подъ соотвѣтственными названіями городовъ и другихъ избирательныхъ округовъ. Возможно точный списокъ подлинныхъ подписей будетъ приложенъ къ тексту Уложенія; тѣмъ временемъ, быть можетъ, удастся еще разъ осмотрѣть подлинную рукопись и исправить нѣкоторыя упущенія или ошибки. Здѣсь же мы стремимся главнымъ образомъ къ тому, чтобы наглядно показать представительство разныхъ мѣстныхъ округовъ, какъ особыхъ избирательныхъ единицъ. Вотъ почему различныя Московскія тяглыя сотни и слободы помѣщены подъ своими собственными име-

---

(1) ... Ему же для объявленія блаженныя памяти благовѣрнаго государя царевича 177 г. придачи 80 четей, денегъ 9 рублевъ. Ему же во 177 г. февраля въ 12 день, по памяти изъ приказу Большаго Дворца, за работу, что онъ, по имянному великого государя указу, сдѣлалъ степенную книгу благовѣрнаго и благочестиваго рода Романовыхъ, придачи 70 четей, денегъ 10 рублевъ да за помѣстную-жъ за переходя за 30 четей денегъ 1½ руб.» (боярская книга № 6).

(2) Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго Музеума, составленное А. Востоковымъ, стр. 151—153, №№ LXXXII—LXXXIV. По записи, находящейся въ спискѣ подъ № LXXIII, придача къ помѣстному окладу показана въ 50 четвертей, но свѣдѣнія боярской книги, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ предпочтенія.

нами, а не подъ общимъ именемъ столицы. На томъ же основаніи исключены изъ настоящей вѣдомости гости и суконная сотня, объединяемые родомъ службы, а не мѣстомъ жительства; не пошли сюда и стрѣлецкіе приказы, такъ какъ указъ отъ 16 іюля 1648 г. вовсе не призывалъ ихъ къ участію въ земскомъ соборѣ. Что касается, наконецъ, стольниковъ, то и они, какъ чинъ придворный, также не подходятъ подъ условіе предстоящей росписи, но какъ въ подписяхъ они явно не отмѣчены, то мы ихъ соединили съ Московскими дворянами подъ общимъ мѣстомъ ихъ постояннаго жительства — Москвою. Для удобства справокъ и повѣрки мы подъ каждымъ избирательнымъ округомъ указываемъ нумеръ его по списку подписей, приложенному къ статьѣ И. Е. Забѣлина: „Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича“, напечатанной въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній“ за 1850 г. кн. 1, по второму изданію 1876 г., стр. 4—14. Выборные, чинъ которыхъ прямо показанъ въ подписяхъ, поставлены впереди подъ соотвѣтственными нумерами, а число ихъ — въ первой графѣ. Таковы именно выборные отъ тяглыхъ людей, прочіе же, т. е. дворяне и неизвѣстные стоятъ позади и во второй графѣ; между нумерами тѣхъ и другихъ мы ставимъ *точку съ запятою*. Если существуетъ какое-нибудь основаніе причислить лицо сомнительнаго происхожденія къ посадскимъ, то мы это оговариваемъ. Тоже должно сказать и объ упущеніяхъ въ счетѣ подписей, недосмотрахъ и опечаткахъ, замѣченныхъ нами въ упомянутомъ выше спискѣ.

Названія мѣстностей.	Тяглые.	Нетяглые и сомнительные.	Итогъ.
1. Алаторъ №№ 231 и 232 (1); 141 и 142	1	2	3
2. Алексинъ № 89	—	1	1
3. Арзамасъ №№ 234; 67 и 68	1	2	3
4. Атемаръ №№ 150 (2); 177	—	2	2
5. Балахна № 303.	1	—	1
6. Барашская слобода № 291	1	—	1
7. Болховъ №№ 287; 97 (3)	1	1	2
8. Боровскъ № 279	1	—	1
9. Брянскъ №№ 100 и 101 (4)	—	2	2
10. Бѣжецкій Верхъ № 187.	—	1	1
11. Бѣжецкъ №№ 292; 162	1	1	2
12. Бѣлгородъ №№ 302; 148 и 149	1	2	3
13. Бѣлевъ №№ 286; 95 и 96	1	2	3
14. Бѣлоозеро № 272	1	—	1

(1) Оба эти нумера относятся къ одному лицу: ошибка въ томъ, что сынъ, подписавшійся за отца, принятъ за особаго выборнаго. См. ниже *Алаторъ*.

(2) Имя *Андрей* сомнительно; кажется *Авсѣй*.

(3) Вмѣсто *Кравковъ* мы прочитали: *Кравцовъ*.

(4) Въ № 100 опечатка: вмѣсто *Безобрузовъ* чит. *Безобразовъ*. Почерки обоихъ нумеровъ несходны, хотя обѣ подписи сдѣланы однимъ и тѣмъ же лицомъ.

Названія мѣстностей.	Типы.	Пятна и сомнительн.	Итогъ.
15. Васильгородъ № 246	1	—	1
16. Верея №№ 190 и 280; 72, 73 и 166 (1)	2	2	4
17. Владиміръ №№ 294 (2) и 49	—	2	2
18. Вологда №№ 261 и 266 (3); 185 и 186	1	2	3
19. Волокъ № 240	1	—	1
20. Воронежъ №№ 248; 167 и 168	1	2	3
21. Вязьма №№ 140 и 157	—	2	2
22. Вятка (Хлыновъ городъ) № 278	1	—	1
23. Галичъ №№ 236; 195 (4) и 196	1	2	3
24. Гдовъ № 215 (5)	—	1	1
25. Гороховецъ № 225	1	—	1
26. Дмитровская сотня № 205	1	—	1
27. Дмитровъ №№ 159 (6) и 169	—	2	2
28. Елецъ №№ 122, 174 (7) и 175	—	2	2
29. Зарайскъ № 271	1	—	1
30. Зубцовъ №№ 135 и 136 (8)	—	2	2
31. Кадашева слобода № 290	1	—	1
32. Кадомъ № 262	1	—	1
33. Казань №№ 295 и 296; 147 и 171	2	2	4
34. Кайгородъ № 253	1	—	1
35. Калуга №№ 98 и 249; 99 (9)	2	1	3
36. Карачевъ №№ 104 и 105 (10)	—	2	2
37. Каргополь № 257	1	—	1
38. Кашинъ № 293 (11)	—	1	1
39. Кашира №№ 221; 77 и 78 (12)	1	2	3

(1) Въ этомъ нумерѣ сдѣлана вторичная подпись за Григорія Левшина (№ 72). Снимокъ съ подписей №№ 72 и 73 см. въ «Сборникѣ Археологическаго Института» кн. 2, приложенія таб. № 3 къ отчету о поѣздкѣ въ Москву.

(2) Вѣроятно, посадскій.

(3) Въ обоихъ нумерахъ подпись сдѣлана за одно и тоже лицо—Логина Михайлова.

(4) Вмѣсто *Перелешевъ* мы прочитали: *Перелешинъ*.

(5) Вѣроятно, посадскій.

(6) Хотя въ этой подписи не указано, кто такой Ѳедоръ Шокуровъ, но изъ № 169 можно заключить, что онъ изъ Дмитрова.

(7) Денисъ Шиловъ подписался два раза: въ первый разъ подъ № 122.

(8) Очевидно, названіе города употреблено вмѣсто существительнаго притяжательнаго—*Зубковецъ* или *Зубчанинъ*, какъ въ № 136. Вмѣсто *Пустороседевъ* чит. *Пусторослевъ*.

(9) Званіе *Пальчикова* не обозначено, но, вѣроятно, посадскій; почеркъ *Ларки Ѳедорова* (№ 98), подписавшагося за себя и за Пальчикова, не одинаковъ. Въ спискѣ Миллера № 91 также калужанинъ, но въ подлинникѣ написанъ *устужанинъ*, т. е. *устюженецъ*.

(10) Вмѣсто *Бошина* въ подлинникѣ, кажется, *Бошна*.

(11) Вѣроятно, посадскій.

(12) Прямаго указанія на происхожденіе этого рукоприкладчика изъ Каширы въ подписи нѣтъ: вм. *Боракова* чит. *Боракова*.

Названія мѣстностей.	Тяглые.	Петиц. и сомнительные.	Итогъ.
40. Клинъ №№ 252 (1); 188	—	2	2
41. Козловъ (2) №№ 94 и 170	—	2	2
42. Коломна №№ 300; 87 и 88 (3)	1	2	3
43. Конюшенная слобода №№ 207, 208 и 209	3	—	3
44. Кострома №№ 263; 192	1	1	2
45. Кременецкъ № 282 (4)	1	—	1
46. Кромы № 176	—	1	1
47. Кузьмодемьянскъ №№ 244; 138	1	1	2
48. Курмышъ №№ 172, 173 и 235 (5)	—	3	3
49. Курскъ №№ 178 (6) и 179	—	2	2
50. Ладога № 212	—	1	1
51. Ливны №№ 160 и 161	—	2	2
52. Лихвинъ № 71 (7)	—	1	1
53. Луки (? Великія) №№ 228; 129 и 131 (8)	1	2	3
54. Лухъ №№ 62 и 191 (9)	—	2	2
55. Менскъ (Минскъ) № 284	1	—	1
56. Мещевскъ №№ 92 и 93	—	2	2
57. Мещерскъ №№ 69 и 70	—	2	2
58. Мих(айл?)овъ № 274 (10)	—	1	1
59. Можайскъ № 132	1	—	1
60. Москва (стольники и дворяне) №№ 44, 45, 46, 47 и 48 (11)	—	5	5

---

(1) По уменьшительному имени долженъ быть посадскій.

(2) Въ № 170 вмѣсто *Козмитинъ* читай: *Коллитинъ*.

(3) Между этими нумерами, передъ словомъ: *вмѣсто* въ подлинникѣ стоитъ *и*, недостающее въ печатномъ.

(4) Начальная буква имени города въ подлинникѣ похожа скорѣе на *Д*. Выборный, вѣр., посадскій.

(5) Послѣдній, вѣроятно, посадскій.

(6) Гаврила *Малышевъ* подписался еще подъ № 111, но только за другаго; въ спискѣ Миллера и прибавлено тамъ неправильно.

(7) Прозвище выборнаго, кажется, *Оринкинъ*, а не *Бринкинъ*, какъ у Миллера; см. Сборникъ Археол. Инст. кн. 2, прилож. № 3; снимокъ со столб. 57. Составитель «Лѣтописи Калужской», напечатанной въ «Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей» за 1877 г. кн. 2, называетъ выборнаго *Юрьинскимъ* (стр. 106); но онъ, кажется, пользовался источниками прошлаго столѣтія, а не подлиннымъ Уложеннымъ спискомъ.

(8) Суморокovъ подписался: *по выбори лучанъ* и *пустожержцевъ*, какъ бы общій выборный. Опечатка: *пустожерцовъ*; см. Ржева Пустая.

(9) Выборные города Луха названы лухманами; названіе же *Луховецъ* (№ 274) явилось, вѣроятно, по ошибкѣ переписчика: въ подлинникѣ мы прочитали: *Миховецъ* (и изображено въ видѣ j), что могло явиться отъ торопливаго написанія вмѣсто: *Мих(айл)овецъ*.

(10) См. выше *Лухъ*; вѣроятно, посадскій.

(11) Кн. Ѳедоръ Оболенскій (№ 44)—дворянинъ, Дворц. Разр. III, 81; Ив. Олферьевъ (№ 47)—стольникъ, П. С. Л. IV, стр. 340; Ив. Ерошкинъ (№ 48) — дворянинъ, Дворцовые Разряды III, ст. 230 и 258.

Названія мѣстностей.	Тяглые.	Нетяг. и сомнительные.	Итогъ.
61. Муромъ №№ 233; 63 и 64 (1)	1	2	3
62. Мценскъ №№ 74 и 112	—	2	2
63. Нерехта № 264 (2)	1	—	1
64. Нижній Новгородъ № 65 (3)	—	1	1
65. Новосиль №№ 118 (4) и 119	—	2	2
66. Новгородокъ Сѣверскій № 109	—	1	1
67. Новгородъ №№ 210 и 211; 50, 51, 52, 53, 54, 55 и 56 (5)	2	7	9
68. Новоторжокъ №№ 239 (6); 158	1	1	2
69. Огородная слобода № 224	1	—	1
70. Одоевъ №№ 288; 113 (7) и 114	1	2	3
71. Опочка № 216 (8)	—	1	1
72. Орелъ №№ 115 и 116	—	2	2
73. Осколъ № 180	—	1	1
74. Переславль Залѣсскій №№ 219; 66	1	1	2
75. Переславль Рязанскій № 222	1	—	1
76. Покровская сотня № 206	1	—	1
77. Порховъ № 213 (9)	—	1	1
78. Пошехонье №№ 182 и 189	—	2	2
79. Псковъ №№ 214; 125	1	1	2
80. Путивль №№ 301; 193	1	1	2
81. Ржева Пустая №№ 126 и 131 (10)	—	2	2
82. Ржевъ №№ 230; 134	1	1	2
83. Романовъ №№ 270; 106 и 127	1	2	3
84. Ростовъ №№ 255; 90 и 197	1	2	3

(1) Въ 1651 г. воевода въ Шуѣ, Дворц. Разр. III, ст. 271.

(2) Въ сп. Миллера ошибочно: *перемчанинъ*.

(3) Выборный Семенъ Болтинъ началъ было свою подпись на столбцѣ 51 подлинника и написалъ уже: «*Нижегородецъ Се*», но потомъ эти слова затерты, и подпись перенесена на слѣдующій столбецъ.

(4) Въ подлинникѣ послѣ имени: *Головинъ* стоитъ: *да*, а не *и*, какъ въ спискѣ Миллера.

(5) Лар. Татищевъ (№ 50)—воевода въ Опочкѣ Двор. Разр. III, ст. 277; Ив. Хвостовъ (№ 51) — сынъ бояр. Доп. къ Акт. Истор. IV, стр. 406; А. И. IV, стр. 392 и 393; Сем. Шутиловъ (№ 52) – Яранскій воевода Дворц. Разр. III, 278; Ив. Судаковъ (№ 53)—дворянинъ, воевода Костромской тамъ же, ст. 271; Лавр. Хрипуновъ (№ 56)—воевода Шацкій, тамъ же.

(6) Въ сп. Миллера *Исачка* вмѣсто *Паумка*, см. «Сборн. Археол. Инст.» кн. 2 отчетъ о поѣздкѣ въ Москву стр. 14, прим. 10.

(7) Чтеніе: *Оалимера* вѣрно.

(8) Вѣрно посадскій: имя уменьшительное.

(9) Вѣроятно, посадскій.

(10) См. выше *Луки*.

Названія мѣстностей.	Тяглые.	Нетяг. и сомнительные.	Итогъ.
85. Руза № 194 (1)	—	1	1
86. Ряжскъ №№ 285: 123 и 124	1	2	3
87. Рязань №№ 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86 и 198 (2)	—	8	8
88. Рыльскъ № 110 (3)	—	1	1
89. Садовая слобода № 223	1	—	1
90. Свіяжскъ №№ 247; 163 и 199	1	2	3
91. Серпуховъ № 251	1	—	1
92. Смоленскъ № 128	—	1	1
93. Солова №№ 107 и 108 (4)	—	2	2
94. Соль Великая № 265	1	—	1
95. Соль Вычегодская № 254	1	—	1
96. Соль Галицкая № 218 (5)	1	—	1
97. Соль Камская № 267 (6)	1	—	1
98. Старая Руса № 256 (7)	1	—	1
99. Старица №№ 133, 164 (8) и 165	—	2	2
100. Стародубъ №№ 102 и 103	—	2	2
101. Срѣтенская сотня № 220	1	—	1
102. Суздаль №№ 57 и 58	—	2	2
103. Тверь №№ 238 (9); 137 и 139	1	2	3
104. Темниковъ № 269 (10)	1	—	1
105. Торопецъ №№ 229; 130 и 154	1	2	3
106. Торуса №№ 251 (11); 181	1	1	2
107. Тула №№ 237; 75 и 76 (12)	1	2	3

---

(1) Подпись Ружанина *Коллов* помѣщается на столбцѣ 391-мъ подлинника, между началомъ и концомъ подписи путивльца Оладьина. Она какъ бы вписана между двумя строками, изъ коихъ первую составляетъ слово: *путивлецъ*, а вторую слова: *Ѳедоръ Оладьинъ*.

(2) Эта подпись составляетъ повтореніе подписи сдѣланной подъ № 85 за новокрещена В. Муратова, Осипъ Лихаревъ (№ 79)—воевода Тамбовскій, Дворц. Разр. III, 271. Чтеніе *Лысковъ* (№ 86) сомнительно; кажется *Масквецовъ*.

(3) Вмѣсто *Ортокова*, кажется, слѣдуетъ читать: *Ортмокова*; *т* стоитъ надъ *м*.

(4) Романъ Сатинъ—воевода Крапивенскій, Дворц. Разр. III, 273.

(5) Вмѣсто напечатаннаго: *Микишинъ* чит. *Микитинъ*.

(6) Напечатано: *Кормишковъ*; слѣд. *Кормищковъ*.

(7) Напечатано: *старожужникина*; одно *ки* лишнее.

(8) Семенъ Бахтѣевъ подписался два раза: первый разъ подъ № 133.

(9) Въ сп. Миллера читается *Крюковъ* вм. *Крыловъ*, см. Сборникъ Археол. Институт. кн. 2, стр. 14, прим. 10.

(10) У Миллера читается: *Демниновца*; дѣйствительно, начальная буква походитъ немного на *Д*, но окончаніе слова: *ковца*.

(11) Вмѣсто *торушлинина* чит. *торушенина*. Въ № 181, кажется, *Оленинъ*, а не *Олексинъ*, какъ у Миллера. Въ «Лѣтописи Калужской» (Чтенія Общества исторіи и древностей за 1877 г. кн. 2, стр. 106) выборный названъ: *Аленинъ*.

(12) Чтеніе Мил. *Вельяминова* сомнительно; написано не то *Вельянова*, не то *Васьянова*.

Названія мѣстностей.	Тяглые.	Нетягл. и сомнительные.	Итогъ.
108. Угличъ №№ 260; 145 и 146	1	2	3
109. Унжа № 227	1	—	1
110. Устюжна № 91 (1)	—	1	1
111. Уфа №№ 289; 155 и 156	1	2	3
112. Холмогоры № 258	1	—	1
113. Царевъ Кокшайскій № 243	1	—	1
114. Царевъ Санчурскъ №№ 242; 151	1	1	2
115. Чаранскъ № 259	1	—	1
116. Чебоксары №№ 268; 143	1	1	2
117. Чердынь № 273 (2)	—	1	1
118. Черниговъ № 116	—	1	1
119. Чернь №№ 119 и 120	—	2	2
120. Чухлома № 226	1	—	1
121. Шуя № 276 (3)	—	1	1
122. Юрьевъ Польскій №№ 275; 59 и 60	1	2	3
123. Ядринъ №№ 236 (4); 151	1	1	2
124. Ялаторъ (5) № 283	—	1	1
125. Яранскъ №№ 241; 153	1	1	2
126. Ярославецъ Малый № 281 (6)	—	1	1
127. Ярославль №№ 217; 183 и 184	1	2	3
Итого	86	160	246

10. Въ подкрѣпленіе и дополненіе свѣдѣній о печатаніи и распродажѣ Уложенія, сообщенныхъ въ текстѣ, приводимъ извлеченіе изъ записныхъ книгъ Печатнаго двора:

I. „*Книга записная книжной продажѣ со 151-го году по 158 годъ вопче выведена*“ (по Каталогу Архива № 39, л. 655—678).

Л. 655. Повторяется указъ о печатаніи Уложенія отъ 7-го апрѣля 1649 года (см. Сборникъ Археологическаго Института кн. 2, дополненіе I, стр. 21—23).

Л. 656. „И о тѣхъ книгахъ Уложенія судныхъ дѣлъ государя бояринъ и дворецкой князь Алексѣй Михайловичь Львовъ докладывалъ, по которой цѣнѣ тѣ книги продавать. И на докладной выпискѣ помѣта дьяка Михайла Ерофеева: 157-го году іюня въ 1 день по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи указу приказалъ бояринъ и дворецкой князь

(1) Въ подлинникѣ мы прочитали: *Устуженинъ*, а не *Калуженинъ*, какъ значится у Миллера.

(2) Вѣроятно, посадскій.

(3) Вѣроятно, посадскій.

(4) Въ спискѣ, напечатанномъ въ Арх. ист.-юрид. свѣд., по ошибкѣ, поставленъ № 235. Въ № 151 чтеніе Лутовскова сомнительно: каж. *Утовскава* или *Выговскава*.

(5) У Миллера чит. *Ялатомъ*; не *Алаторъ*-ли? см. выше.

(6) Вѣроятно, посадскій.

Алексѣй Михайловичъ Львовъ тѣ книги судныхъ дѣлъ продавать по рублю книга въ тетратехъ, а тѣ книги Уложенія судныхъ дѣлъ въ дѣлѣ стали 1200 книгъ по 26 алтынъ по полу-3 деньги книга въ тетратехъ".

„Да въ Приказъ Большаго Дворца отпущено (1) по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи именному приказу, взнесено въ верхъ 35 книгъ Уложенія судныхъ дѣлъ въ переплетѣ, и тѣми книгами государь жаловалъ патріарха и бояръ въ столовой палатѣ".

Далѣе записано извѣстіе о пожалованіи пяти книгъ разнымъ лицамъ (напечатанное нами во 2-й книгѣ Сборника Археологическаго Института, на основаніи расходной книги № 34; кстати исправимъ опечатку, вкравшуюся въ текстъ нашего отчета о поѣздкѣ въ Москву: на стр. 11 напечатано: № 345; должно быть: № 34).

„Да въ правильнѣ у справщиковъ ковычная (2) книга впредь для переводу дана да книга въ переплетѣ ка(вы)чная-жъ".

Л. 657 и слѣдующіе содержатъ поденную записку, кому сколько книгъ продано и по какой цѣнѣ. Въ заключеніи каждой дневной статьи выставлено число проданныхъ книгъ и вырученныхъ за нихъ денегъ, съ отмѣткою: „*взято*".

Вотъ рядъ поденныхъ итоговъ по продажѣ книгъ.

14-го	іюня	(1649 г.)	57 книгъ	(л. 658)
16	„	„	125	(л. 661) (3)
17	„	„	134	(л. 663) (4)
18	„	„	27	(л. 664)
19	„	„	111	(л. 666)
20	„	„	110	(л. 667)
22	„	„	74	(л. 669)
23	„	„	72	(л. 670)
24	„	„	37	(л. 671)
25	„	„	38	(л. тотъ же)
26	„	„	14	(л. тотъ же обор.)

Засимъ около полустраницы пробѣла. Въ концѣ 671-го листа написано: „августа въ 1-й день того-жъ выходу книги Уложенія судныхъ дѣлъ продано по 40 алтынъ". На слѣдующихъ страницахъ записана продажа и выручка денегъ за 4 дня: 1-го, 2-го, 3-го и 7-го августа. Число книгъ, проданныхъ въ каждый изъ означенныхъ дней, состояло: изъ 19 (л. 672), 77 (л. 674 обор.), 140 (л. 677, сперва написано было 145 славянскими численными знаками, но потомъ буква *е* зачеркнута и сбоку поставлено *рм*) и 38. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что всего продано 812 книгъ, 35 взнесено государю для безденежной раздачи и 2 книги остались въ *правильнѣ* для слѣдующихъ изданій. Куда же дѣвались остальныя книги?

Въ той же записной книгѣ на листѣ 730 значится: „въ прошломъ во 157-мъ году августа въ 27 день указалъ государь... печатати книги Уложенія

---

(1) Здѣсь кончается лицевая сторона листа; слѣдующее засимъ написано на оборотѣ.

(2) Корректурная.

(3) На л. 661 въ числѣ покупателей значится и новгородскій митрополитъ Никонъ, а на 661-мъ «*боярина князя Ивана Васильевича (?) жена Ульяна*».

(4) На л. 662 значится: «въ Судебной приказъ книга».

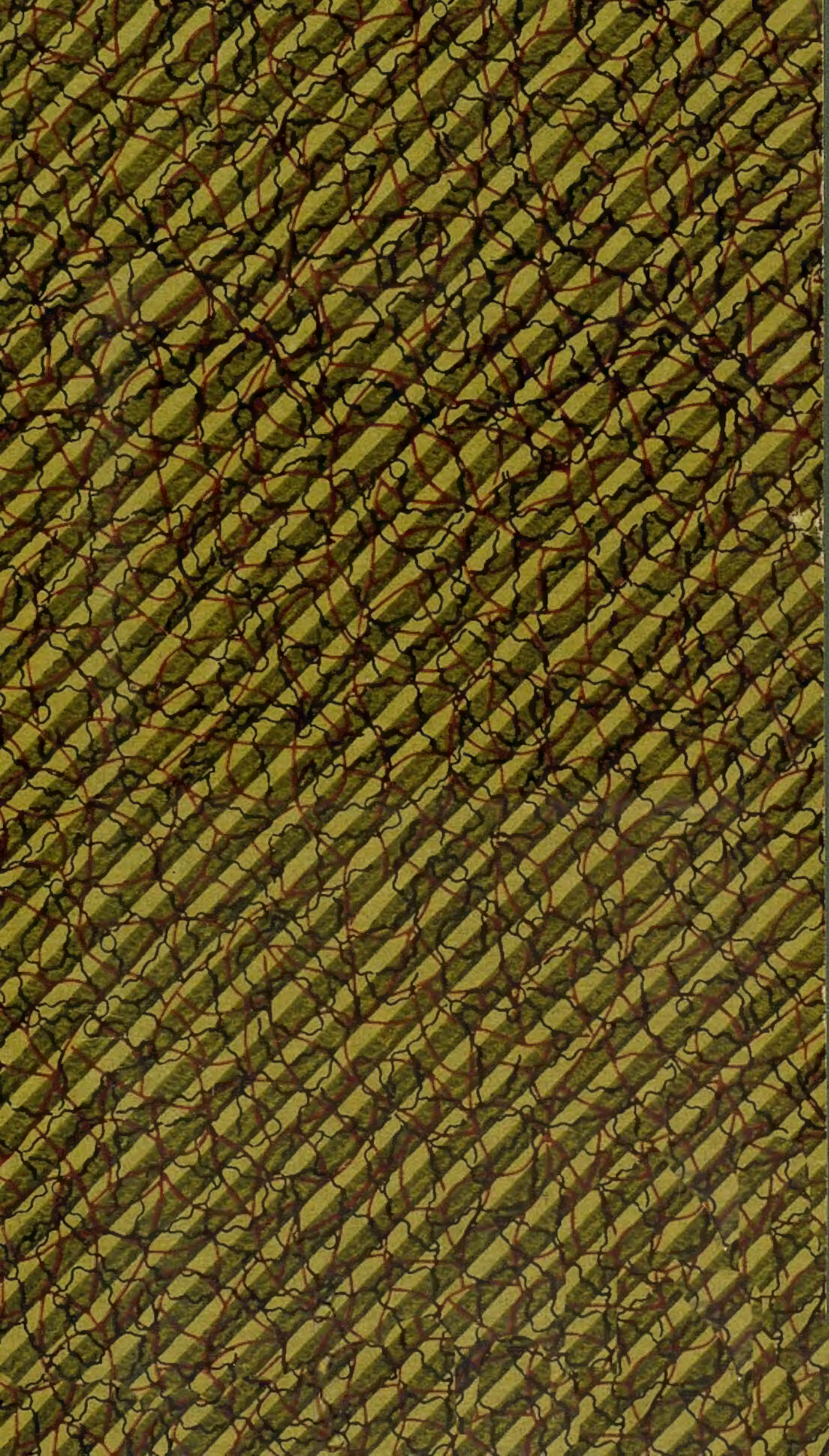
судныхъ дѣлъ". Печатаніе производилось въ количествѣ 1200 книгъ и окончено 21 декабря 158 (1649 г.). Докладъ государю о продажной цѣнѣ состоялся 3 января 1650 г. Изъ этого выхода также роздано 5 книгъ безденежно, а въ правильнѣ оставлена книга на будущее время. На слѣдующемъ листѣ читается: «и тѣ книги Уложенія судныхъ дѣлъ отданы (1) Володимеру Борзово тысяча сто восмьдесятъ одна книга по рублю книга. *Дано*".

II. „*Книга приходная Приказу книжнаго печатнаго дѣла, а въ ней писана* (2) *продажа разныхъ книгъ, что принято у дьяка Михайла Ерофеева да у цѣловальника Ивана Харламова прежнихъ выходовъ со 158-го году по 162 годъ при гостѣ Володимерѣ Борзово*" (по каталогу Архива № 47). Книга эта раздѣлена на главы, изъ коихъ первая имѣетъ надпись: „продажа книгамъ Уложенія судныхъ дѣлъ". Текстъ этой главы занимаетъ 109 полулистовъ средней величины, перемѣченныхъ арабскими цифрами. Начинается она такъ: „158-го году декабря въ 9 день на книжномъ печатномъ дворѣ у дьяка Михайла Ерофеева да у цѣловальника Ивана Харламова Володимеръ Борзово принялъ тысячю восмьдесятъ одну книгу Уложенія судныхъ дѣлъ въ тетратехъ по продажной цѣнѣ по рублю книга. И тѣхъ книгъ продано всякаго чину людемъ, а кому имяны тѣ книги продаваны, и то писано въ сей книгѣ порознь" (л. 1). Въ концѣ главы написано: „И всего продано книгъ Уложенія всякихъ чиновъ людемъ тысяча сто семьдесятъ три книги по рублю книга, и того тысяча сто семьдесятъ три рубля. А что тѣхъ же книгъ взято въ Приказъ Болшаго Дворца безденежно, и то писано въ расходной книгѣ". „*Борзово*".

---

(1) Въ подлинникѣ: *отдано*.
(2) Въ подлинникѣ: *писано*.

Отдѣльно отпечатано изъ Сборника Археологическаго Института, книга третья, 1880 г.

Въ типографіи В. Безобразова и Комп. (Вас. Остр., 8 линія, № 45).

2007099135